

Людмила Бейнар-Бейнарович

Достоверные
семейные
хроники

Людмила Бейнар-Бейнарович

ДОСТОВЕРНЫЕ
СЕМЕЙНЫЕ
ХРОНИКИ

Томск, 2014 г.

Людмила Бейнар-Бейнарович.

Достоверные семейные хроники. Томск, 2014 г.

© Людмила Вацлавовна Бейнар-Бейнарович (Потехина). **Достоверные семейные хроники.**

Томск, 2014 г.

Часть 1 ПО ОТЦОВСКОЙ ЛИНИИ

ПРАДЕД

Речь Посполита – польско-литовское государство – существовало с 1569 по 1795 год. В конце XVIII в. это великое государство распалось и было поделено между Австрией, Пруссией и Россией. Польша вошла в состав Российской империи. Гордая и вольнолюбивая шляхта не желала смириться с таким положением, непокорное польское дворянство боролось за независимость своего государства. Восстания в Польше вспыхивали регулярно.

Князь Сигизмунд Бейнар-Бейнарович принадлежал к старинному шляхетскому роду и владел обширным родовым поместьем с усадьбой недалеко от города Кракова. К его владениям относилось несколько деревень и большие наделы земли. Представители рода Бейнар-Бейнаровичей сыграли заметную роль в становлении польского государства. Подробнее об это можно было бы узнать из книг по истории Польши, чтобы испытывать гордость за деяния своих предков, однако довольно и того, что по свидетельству моих польских родственников фамилия Бейнар-Бейнарович упомянута даже в школьных учебниках.

Князь Сигизмунд в годы своей бурной молодости, в то время еще не будучи женатым, принимал активное участие в подготовке восстаний за освобождение Польши. Он действовал решительно и без оглядки: продал или заложил часть своих земель, на вырученные деньги вооружил подвластных ему крестьян, создав из них военное ополчение, и сам встал во главе отряда. Повстанцы сражались с частями регулярной царской армии, посланными на подавление восстания. Восстание было подавлено, а Сигизмунд осужден и сослан в Сибирь, на каторгу. Согласно царскому указу он был лишен княжеского титула, всех регалий, званий, воинских наград. Его земли, поместье и все имущество были конфискованы и переданы в царскую казну.

Отбыв многолетнюю сибирскую ссылку, пан Сигизмунд вернулся на родину и поселился в Литве, в городе Ново-Александровске Ковенской губернии (ныне город Зарасай), где и прожил всю оставшуюся жизнь. Там он женился на дочери литовского купца, Барбаре. В приданое Барбара получила небольшую усадьбу: двухэтажный дом, надворные постройки, скромное подсобное хозяйство, а также упряжку лошадей для выездов. У Сигизмунда и Барбары родились и выросли

два сына. Дети получили хорошее по тем временам домашнее образование – были обучены иностранным языкам, музыке, танцам, а затем блестяще окончили гимназию. Имя старшего сына, к сожалению, не сохранилось в семейных преданиях. Но сохранилось и дошло до нынешних времен фамильное предание о том, как он в 19 лет потерял один глаз. Произошло это на Рождество. Как водится, на званый ужин были приглашены гости. Старший брат придумал такую шутку: переоделся горничной и стал прислуживать барышням, когда они переодевались и прихорашивались в спальне. Одна из девушек догадалась об этом и ударила шутника по лицу корсетом из китового уса, повредив ему глаз. Эта скандальная история наделала много шума в маленьком городке.

Младший брат, Иероним (Героним) был поскромнее старшего в поведении, но отличался упрямством и своеволием. Небольшое семейное имущество, как и положено, по наследству предназначалось старшему сыну. Боясь оставить младшего сына в бедности, отец решил отправить его для дальнейшего обучения в духовную семинарию (семья была римско-католического вероисповедания). Окончив семинарию и став ксендзом, сын смог бы сделать карьеру на этом поприще. Однако Героним мечтал совсем о другом, жизнь ксендза его не прельщала. Отец, не привыкший менять решения, настаивал на своем и в результате потерял сына, потерял навсегда. Героним ушел из дома и больше никогда не встречался со своими родителями. Письма писал изредка и только матери.

Сигизмунд Бейнар-Бейнарович прожил долгую жизнь. Умер он в собственном доме, по непроверенным данным, в возрасте ста семи лет. Годы его жизни: 1787(?)–1894.

**Героним
Бейнар-Бейнарович**

ДЕД

Героним Сигизмундович Бейнар-Бейнарович (Иероним) родился в Литве в 1860 году. Прекрасно воспитанный юноша владел тремя языками – польским, французским и немецким, имел музыкальное образование. Не имея возможности достаточно обеспечить сына, отец хотел сделать его священнослужителем. Однако по складу характера Героним совсем не годился для этого поприща. Он был категорически против, отец настаивал, они серьезно повздорили и юноша ушел из дома. Он был вынужден искать работу. В те годы в России шло строительство Транссиба – величайшей

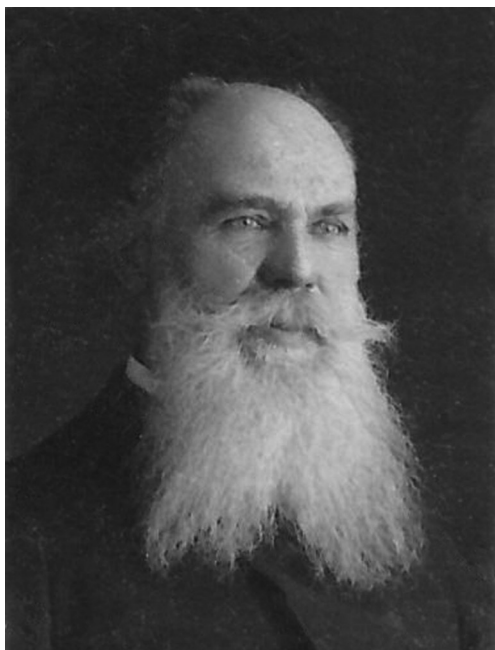

**Героним Бейнар-Бейнарович,
главный ревизор Западно-Сибирской
железной дороги**

железнодорожной магистрали. Героним устроился на железную дорогу, заняв скромную должность учетчика вагонов. Случилось так, что на железной дороге он проработал всю свою жизнь. Он продвигался и рос вместе с самой магистралью и достиг многого благодаря незаурядным способностям, деловым качествам и организаторским талантам. В возрасте 28 лет Героним стал начальником железнодорожной станции г. Тюмень. Он руководил строительством, оборудовал и вводил в эксплуатацию целый ряд станций в Западной и Восточной Сибири, был первым начальником и устроителем станции Тайга и по мере продвижения стройки на восток оборудовал станции Петрушки (ныне Усолье Сибирское), Бочкарево (Белогорск), Муравьев-Амурское (Лазо) и другие.

Героним Сигизмундович был мужчиной высокого роста, солидной, представительной наружности. Одет всегда безукоризненно и даже щеголевато, в обращении вежлив и учтив. Умел вести себя в высшем свете, но легко находил общий язык с людьми любого положения. Красиво ухаживал за дамами и пользовался у них большим успехом, поэтому прослыл дамским угодником. Любил посещать балы и светские приемы. Он прекрасно танцевал мазурку и другие модные в те времена танцы. Был азартным игроком и мог ночь напролет провести за карточным столом. К своим служебным обязанностям Бейнар-Бейнарович относился очень добросовестно. Подчиненные уважали его как знающего и справедливого руководителя. У железнодорожного начальства он пользовался большим доверием и быстро продвигался по служебной лестнице.

Семейная жизнь его не сложилась. Слишком разными людьми

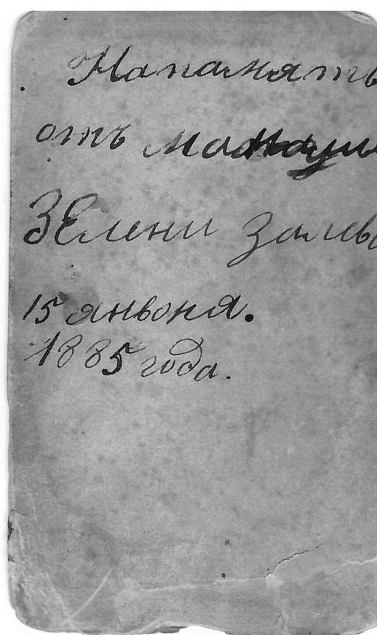
**Героним Сигизмундович пенсионер.
1930 год**

были Елена и Героним – разное воспитание, разные взгляды на жизнь. Муж не уделял должного внимания семье, не интересовался воспитанием детей, их обучением. Даже материальное положение семьи его особо не заботило. Первый десяток лет Елена с детьми ездила вслед за мужем по местам его службы, затем он поселил ее в деревне Каштак, где сам бывал только наездами. Позже он переехал в Томск. Фактически всю оставшуюся жизнь они прожили врозь. Не удивительно, что особой любви со стороны жены Героним не заслужил. Был период, когда дед, живя в Томске, видимо, под влиянием НЭПа, попытался заняться

коммерцией. Однако талантов в этой области у него не было, и он быстро прогорел. Потерпев фиаско, он уехал на Дальний Восток и снова начал работать на железной дороге. Затем снова вернулся в Томск и в 1929 году вышел на пенсию с должности ревизора Управления Западно-Сибирской железной дороги. В преклонном возрасте это был благообразный старик, с окладистой бородой, исполненный чувства собственного достоинства. Он приходил в гости к жене и взрослым детям, играл с внуками. Я очень смутно помню деда. Он умер, когда ему было 74 года, и похоронен на Воскресенском кладбище, которое было уничтожено в 1940-1942 гг.

БАБУШКА ЕЛЕНА МИХАЙЛОВНА

Елена (Хелена) родилась в 1876 году. Ее отец – поляк из Кракова, Михель Залевский, был сослан в Сибирь за участие в восстании под руководством Костюшко (1864 г.). Отбыв ссылку, он остался в Екатеринбурге, где работал на пивоваренном заводе. Там же, в Екатеринбурге, жила его жена с дочерью Еленой. Михель был мужчина бога-

Пани Залевская, мать Елены. 1885 год

тырского сложения, очень сильный и смелый. Сохранилась семейная история, как он спас, рискуя жизнью, своего товарища. Рабочий упал в чан, где вращались громадные лопасти, а ворот крутили три лошади. Упершись руками, Михель остановил лопасти, но надорвался и долго болел после этого.

В 1882 году он организовал в Екатеринбурге нечто вроде митинга с целью публичного осуждения политики России по отношению к Польше. В результате Залевский был вторично сослан на Нерчинские рудники, где вскоре умер от туберкулеза. В Екатеринбурге на следующий год умерла его жена. Дочь Елена в 7 лет осталась круглой сиротой. Сохранилась фотография матери Елены, на оборотной стороне которой коряво, с ошибками девочка написала: «На память от мамули...».

Елену взяла на воспитание тетка, сестра матери. Ее муж, Красовский, был органистом в екатеринбургском костеле и подрабатывал настройщиком роялей. Вскоре у Красовских родились свои дети, отношение к Елене изменилось – лишний рот. Тетка держала, как тогда говорили, станционный буфет, Елену, которая стала в семье обузой, с двенадцати лет определили туда работать уборщицей и посудомойкой.

Прошло четыре года. Вот там, в буфете на железнодорожном вокзале, Елену и увидел Героним Сигизмундович. Миловидная девушка,

Елена Михайловна с младшими детьми: Александром, Владиславом, Генриеттой. Деревня Каштак, 1916 (?) год

**Елена Михайловна с внучкой Мими (Людмилой).
1930 и 1932 год**

**Елена Михайловна
с внуком Владиком.
1937 год**

скромная, простодушная, она сильно отличалась от жеманных светских барышень и очень ему понравилась. Настолько понравилась, что он решился на некрасивый, просто подлый поступок – украл девчонку. Подкараулил, а дело было зимой, когда она без шубейки выбежала во двор, чтобы слазить в погреб за продуктами. Героним схватил ее, завернул в тулуп, бросил в сани и увез. Закрыл у себя в служебном вагоне. Затем он отвез Елену в Тюмень, где и жил с ней, нимало не заботясь об ее согласии. Елене было тогда 16 лет. Через год у нее родилась дочь Валерия. Чтобы избавить ребенка от клейма «незаконнорожденный», Героним зарегистрировал дочку в костеле как свою сестру. По документам она стала называться Валерия Сигизмундовна Бейнар-Бейнарович. Красовские были возмущены поступком Геронима по отношению к Елене. Под давлением родственников, боясь подмочить свою репутацию, Героним был вынужден вступить в брак и обвенчался с Еленой. Венчание состоялось при содействии Красовского в екатеринбургском костеле, в 1892 году. Елена не была счастлива в браке. Она до конца жизни так и не простила мужа за совершенное насилие и бездушие.

Елена была малограмотна, окончила только четыре класса, но это была очень умная и практичная женщина, прекрасная хозяйка, умелая повариха и экономка. У нее было одиннадцать детей (двое умерли во младенчестве), она вынянчила и вырастила их одна, без служанок и без помощи мужа. Героним оказался неверным мужем и безответственным отцом. Вначале она с детьми ездила за ним по железнодорожным станциям, где он работал, затем поселилась в деревне Каштак Томской губернии. Конечно, Елена не соответствовала светским запросам мужа, он не мог водить ее по балам и театрам, знакомить со своими клубными приятелями. Елена была совсем другая. Заботливая мать, она сумела воспитать своих детей честными, трудолюбивыми и добрыми. Не имея достаточно средств, она смогла каждому из них дать в руки достойную профессию, помогла обустроить свою жизнь. Она всегда заботилась о своих детях, а затем и о внуках – сразу же бросалась на помощь к тому из них, с кем случалась беда. Добрая, любящая бабушка, всегда готовая утешить и приласкать ребенка, она помогала по мере сил расти внукам.

Семья Елены Михайловны была очень музыкальной. По понятным причинам, из-за отсутствия средств, ее дети не получили музыкального образования, но самостоятельно выучились играть на музыкальных инструментах. Иногда, собираясь вместе, семья устраивала импровизированные музыкальные вечера: Вацлав играл на мандолине, Владислав – на балалайке, Генриетта и Валерия – на гитарах, Александр – на трубе. Героним Сигизмундович неплохо играл на фортепиано.

Елена была счастлива в детях и внуках, в них был смысл ее жизни.

**Музыкальная семья Бейнар-Бейнаровичей.
Слева направо: Владислав, Александр и Вацлав**

У нее было большое сердце. Она умерла в Томске в феврале 1938 года. Ей было всего 64 года. Похоронена на Воскресенском кладбище, где сейчас находится завод «Сибкабель». Для меня она всегда была воплощением любви и добра.

Я очень любила тебя, бабуся, и чувствовала твою великую любовь к детям. Эта любовь помогла тебе вырастить и воспитать таких славных людей.

**Валерия.
1914 год**

ДЯДИ И ТЕТИ

ВАЛЕРИЯ

Валерия Сигизмундовна – тетя Валя – родилась в Тюмени в 1891 году. Окончила общеобразовательную школу. Успешно окончила курсы кройки и шитья, была талантливой портнихой. Вышла замуж за Николая Николаевича Рождественского, при регистрации брака сменила не только фамилию, но и отчество, стала Валерией Семеновной Рождественской. Детей у них не было. С мужем жила в любви и согласии, достаточно обеспечен-

Валерия Семеновна Рождественская с мужем Николаем Николаевичем

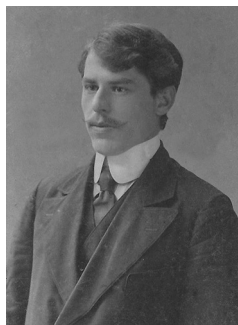
но, в собственном доме по переулку Пионерскому. Брала заказы на пошив женской одежды и пользовалась успехом как хорошая портниха. Тетя Валя любила собак, у нее долго жил замечательный пес, белый шпиц по кличке Денди.

Ее муж, Николай Николаевич, был образованным, интеллигентным человеком. Еще подростком он начал работать приказчиком в лавке, сделал успешную карьеру, стал квалифицированным специалистом в области торговли и финансов. Работал в управлении торговли. В 1937 году он был арестован, необоснованно обвинен и расстрелян. Реабилитирован в 1959 году.

Валерия Семеновна тяжело заболела. Ей крайне неудачно сделали пункцию спинного мозга, после чего у нее отнялись ноги. Последние тридцать лет жизни она прожила инвалидом. Но не сдалась, продолжала работать, шила на заказ платья. Жить ей помогали сестры – сначала Станислава, затем Генриетта. Последние годы она жила с племянницей Еленой, дочерью Зенона. Умерла тетя Валя в 1976 году.

ЗЕНОН

Зенон Геронимович – дядя Женя, старший сын Елены Михайловны, родился в Тюмени в 1893 году. Окончив школу, Зенон самоучкой взялся за изучение автомобилей и преуспел в этой области. Он работал в ремонтных мастерских и вскоре стал квалифицированным автомехаником. Женился на Дарье Николаевне Москвиченко 1900 года рождения. Милая добродушная женщи-

Зенон

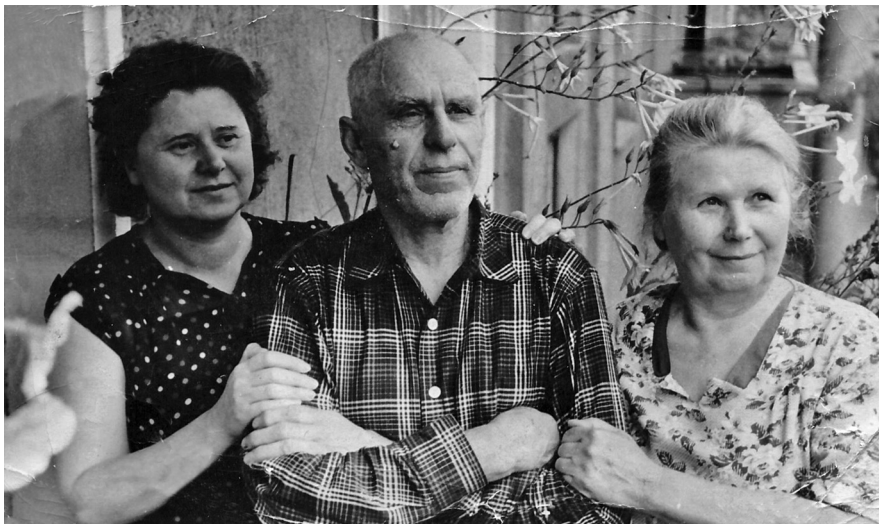
**Зенон Геронимович и его жена
Дарья Николаевна. 1917 год**

на, тетя Дора была преданной женой и хорошей хозяйкой. Родилась дочь Елена (Леля), единственный ребенок в семье. Вместе с женой и четырехмесячной дочерью Зенон осенью 1919 года поехал на Дальний Восток, на Амур, где работал на железной дороге его отец Героним Сигизмундович. Сын надеялся с его помощью устроиться на хорошо оплачиваемую работу. Это было неудачное решение. В Сибири в то время свирепствовала гражданская война, белые и красные сражались друг с другом. Одна из железнодорожных станций Забайкальской железной дороги оказалась захваченной бандой Семенова. Именно сюда и прибыл поезд с семьей Зенона. Семеновцы хватили и вербовали в свой отряд под угрозой расстрела всех мужчин подходящего возраста. Схватили и Зенона – деваться было некуда.

Зенон пошел на хитрость: взял ребенка на руки, пошел к атаману и стал просить разрешения отлучиться, чтобы отнести ребенка к матери, в поезд, стоявший на соседних путях. Сжалились, разрешили. Зенон сбежал, спрятался и вместе с женой уехал на этом поезде. Как выяснилось, состав шел на КВЖД, в Харбин. Так волею судьбы семья оказалась в Китае, где прожила долго, до 1954 года.

В Харбине проживало очень много русских. Семья обустроилась, Зенон работал в мастерских автомехаником, тетя Дора тоже работала – продавцом в магазинах. Дочь Елена выросла, окончила русскую гимназию и три курса педагогического института, но учительницей так и не стала. Всю последующую жизнь работала бухгалтером. Собиралась замуж, был у нее жених, хороший парень. Но с Еленой произошла очень неприятная история – она была изнасилована группой солдат и после этого уже не захотела выходить замуж.

В 1954 году русским, проживавшим в Харбине, было разрешено вернуться в СССР. Вернулись не все, некоторые предпочли уехать в Австралию, Новую Зеландию, Америку. Зенон с семьей поехали на ро-

Зенон Геронимович с женой Дорой и дочерью Еленой. Томск. 1962 год

дину. Вначале их отправили в обязательном порядке в Казахстан, в город Ош Кустанайской области. Прожив там два года в трудных условиях, они добились разрешения переехать в Свердловск. Там устроились получше и прожили довольно долго. Зенон работал по специальности. Когда родители Елены уже состарились, начали болеть, она обменяла квартиру и перевезла их поближе к родственникам, в Томск. В Томске тетя Дора и дядя Женя скончались в один год, друг за другом, в 1975 году. Похоронены на кладбище Бактин. Там же, рядом с ними, упокоилась и Леля в 1996 году.

**Витольд студент
Томского технологического института.
та. 1915 год**

ВИТОЛЬД

Витольд Геронимович, второй сын, родился в 1895 году. Он был талантливым мальчиком, отлично учился, окончил гимназию. Мать несмотря на трудное материальное положение приняла решение дать ему высшее образование. Витольд без труда поступил в Томский технологический институт (теперь политехнический университет), однако проучился там недолго – началась первая

Фото, присланное с фронта первой мировой войны. Витольд справа. 1915 год

Станислава Бейнар-Бейнарович (Лебедева)

мировая война. Со второго курса он был призван в армию. Как человек образованный сразу получил офицерский чин. В 1915 году Витольд погиб в боях на германском фронте. Ему было двадцать лет. Сохранилось лишь несколько его писем к матери и фотография в военной шинели.

СТАНИСЛАВА

Станислава Геронимовна – тетьа Стася, четвертый ребенок в семье – родилась в 1898 году. Окончила в Томске школу и поступила на курсы железнодорожных телеграфистов. Там она познакомилась со своим будущим мужем Дмитрием Лебедевым. Вместе они всю жизнь проработали на телеграфе, на железнодорожных станциях Алтая и Западной Сибири: Алейск, Чулым, Бийск, Томск... В семье выросли два сына. Старший, Женя, танкист, погиб в 1944 году на фронтах Отечественной войны. Младший, Митя, жил и работал в Томске. Выйдя на пенсию, тетьа Стася также переехала в Томск, жила вместе с сестрой Валерией. Умерла раньше нее от инсульта в 1972 году.

ВАЦЛАВ

Вацлав, пятый ребенок в семье. О нем, моем отце, расскажу ниже, отдельно.

АНЗЕЛЬМ

Анзельм (Александр) Геронимович – дядя Шура – родился в 1903 году. Окончил начальную церковно-приходскую школу и поступил в Томский железнодорожный техникум. Тяжелое материальное положение многодетной семьи, отсутствие помощи от отца не позволили ему закончить обучение. Надо было помогать матери кормить младших. Он пошел работать на склад учетчиком, самостоятельно освоил профессию счетовода, а затем и бухгалтера. Благодаря природной одаренности он очень быстро поднялся по служебной лестнице, став в конце концов главным бухгалтером, а затем начальником финансового отдела на крупном предприятии – Томском заводе резиновой обуви.

В 1925–1927 гг. Александр служил в Красной Армии, где ему объяснили о вредности и недопустимости для красноармейца иметь двойную «буржуазную» фамилию. И он стал просто Александр Бейнарович. Так окончила свое существование старинная фамилия исконно дворянского рода Бейнар-Бейнаровичей.

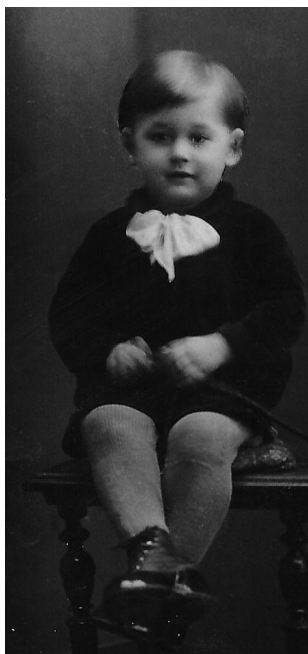
В армии Александр научился играть на трубе и играл в духовом оркестре Томского артиллерийского училища, а позже – в оркестре Томского добровольного пожарного общества «Пожарник», где было 24 музыканта. Александр был симпатичным мужчиной высокого роста, атлетического сложения, пользовался большим успехом у женщин. Он увлекался игрой в футбол, уверенно играл на «втором этаже», выступал в роли бека в команде «Пожарник» и был мастером исполнения многих сложных ударов. Эта команда в 1928 г. была чемпионом по классу «Б». Кстати, Александр и своего сына Владислава приобщил к футболу и многому научил – из него вырос прекрасный техничный футболист. Подробнее об участии мужчин из семьи Бейнаровичей в истории томского футбола можно прочитать в интерес-

**Александр
Бейнар-Бейнарович**

Александр с женой Августой. 1931 (?) год

**Сын Александра
Владислав**

ной статье Сергея Симонова «Еще Польша не гинела», напечатанной в газете «Футбол – Хоккей», № 23 за 2004 г.

В 1929 году Александр Геронимович женился на Августе Васильевне Сваровской (Крыловой). Для Августы Васильевны, которая была вдовой с двумя детьми и младшим братом Георгием Крыловым на иждивении, это был третий брак. Разумеется, многие родственники были против этого брака, но Александр настоял на своем и оказался прав. Жена его была умной, интеллигентной женщиной, по характеру очень сдержанной и тактичной. Кроме того она была очень красива. Александр полюбил ее и ее детей и вырастил их достойными людьми. Семья жила в маленьком флигеле по ул. Большая Подгорная, 31. Там в 1932 году родился их сын Владислав, будущий профессор и академик. Семья из пяти человек, живут небогато. Отец и мать работают на Томском маслозаводе. Старший сын, Анатолий Сараев, учится в автодорожном техникуме. В 1941

году его призвали в армию. Погиб на фронтах Отечественной войны в 1944 году. Дочь Галина окончила медицинское училище, вышла замуж, жила и работала на Сахалине.

Летом 1937 года семья Александра Геронимовича приютила у себя жену и детей арестованного брата Вацлава. Но и Александра не миновала злая участь – в 1938 году он был арестован органами НКВД и обвинен в подготовке покушения на тов. Эйхе, главного партийного руководителя Западно-Сибирского края. На допросах под пытками от него требовали подписать признание в контрреволюционной деятельности. Избивали, выбили зубы рукояткой пистолета, он держался. Большую моральную поддержку оказал его сокамерник, старый большевик Марченко. В камере он был «комиссаром по поднятию духа». Сам не очень крепкого здоровья, он находил в себе силы подбодрить избитых и измученных людей, умел настраивать их не оговаривать никого, не признаваться в надуманных чудовищных преступлениях. Он говорил: «Подпишешь или не подпишешь, тебя все равно убьют. Но без твоего признания они не смогут назвать тебя врагом народа. И это избавит твоих детей и родственников от незаслуженных страданий».

Александр Геронимович с женой Августой Васильевной. 1957 год

А дальше произошло вот что. Товарища Эйхе тоже арестовали центральные органы НКВД как очередного «врага народа». Томским следователям пришлось, скрипя зубами, выпустить всех арестованных по этому делу. Правда, они не забыли взять с них расписку о неразглашении этой позорной истории.

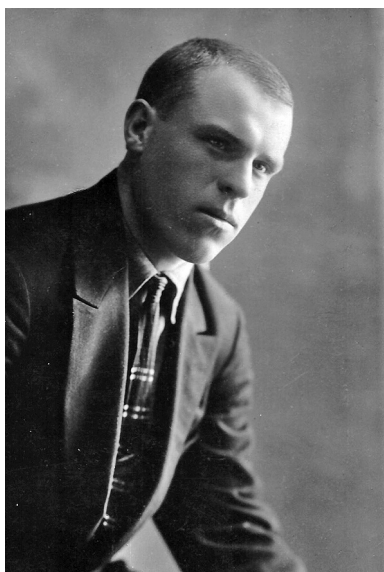
Александр Геронимович предполагал, что причиной его ареста стал ложный донос со стороны директора завода, где он работал главным бухгалтером. Это была жестокая месть за то, что бухгалтер отказался оплатить счет за изготовление конной директорской пролетки, предназначенной для его личного пользования – в этой пролетке директор любил раскатывать со своей любовницей.

– У нас такой статьи расходов нет, – сказал, как отрезал, бухгалтер. И директор отомстил.

Александр Геронимович был добрым и отзывчивым человеком. Очень любил детей, с удовольствием играл с ними. Он мог стать душой и заводилой любой компании, умел вовремя пошутить. В коллективе его уважали как опытного специалиста и любили как веселого, доброжелательного человека и хорошего товарища. И женщины его обожали до старости, хотя до старости он и не дожил. Он умер прямо на рабочем месте, в своем кабинете. Ему было всего 56 лет.

**Слева: Леопольд
Бейнар-Бейнарович**

**Владислав
Бейнар-Бейнарович**

ЛЕОПОЛЬД

Леопольд (Леонид) Геронимович родился в 1904 году. К сожалению, о нем сохранилось очень мало сведений. Жил в Томске, был женат, уехал на Дальний Восток и пропал, потерялся. Родственники не смогли узнать, где он и что с ним случилось. Никаких писем, никаких сообщений. Подозреваю, что его постигла такая же страшная участь, как и многих других, в эти годы массовых и необоснованных репрессий.

ВЛАДИСЛАВ

Владислав (Владимир) Геронимович – дядя Володя – родился в 1908 году в деревне Каштак. В Томске закончил школу и некоторое время работал вместе со старшим братом Вацлавом в земельном отделе над осушением заболоченных и обводнением засушливых земель в районах Западной Сибири и Алтая. Затем Владимир прислушался к совету брата и поступил в Томский политехнический институт на электроэнергетический факультет. Окончив первый курс, он уехал из Томска в Новочеркасск и перевелся в тамошний институт. Затем переехал в г. Шахты. Несколько раз он брал академический отпуск, переводился из одного учебного заведения в другое, переходил на заочное обучение. В семье он получил прозвище «вечный студент». В конце концов, в

Вацлав и Владислав (справа) на работе по обводнению свекло-сахарного района. Алейск, Барнаульский округ. 1928 год

1941 г. он вернулся в Томск и восстановился в политехнический институт на 5-й курс. Дядя Володя поселился вместе с сестрой Генриетой на съемной квартире по ул. Фрунзе, 50. Студенты пятого курса имели бронь, их не призывали в армию, давая возможность закончить учебу в вузе. Владимир писал дипломную работу – что-то связанное с проектом электростанции.

Чтобы иметь хоть какой-то заработок и не сидеть полностью на шее у сестры, он подрабатывал грузчиком, а в конце лета уехал шишковать в тайгу, заготавливать кедровый орех. Для него это было знакомое дело, он вырос в деревне. Заготовленные орехи сперва шелушили, затем их надо было калить, то есть, прогревать в печи на противнях. Каленые орехи были вкуснее и стоили дороже. Дядя Володя сам продавал орехи стаканами, обычно по вечерам около артиллерийского училища, где их охотно раскупали курсанты.

С дядей Володей мы вместе ходили сажать картошку за Пороховые погребя, по Иркутскому тракту.

Успевал Владимир и ухаживать за девушками, а вот закончить свою дипломную работу за полтора года так и не успел. Возможно, и умышленно затягивал. Сначала ему дали отсрочку на пару месяцев, а

**Пан Владислав с женой
и детьми в Томске. 1965 год**

затем все же призвали в армию. Таким образом, Владимир так и не закончил институт и диплома о высшем образовании не получил. Из армии он написал, что в связи с формированием Польской освободительной народной армии всем военнослужащим с польскими корнями и польскими фамилиями предложили на добровольной основе перейти в эту армию. Владимир согласился. После освобождения Польши от фашистских захватчиков воинские части этой армии были оставлены на ее территории.

Владимир остался в Польше на постоянное жительство, что приветствовалось Советским правительством. Вскоре он женился на девушке из большой крестьянской семьи. Звали ее Целинка (Цецилия). Владимир оказался очень ревнивым мужем,

он не позволял Целинке работать вместе с мужчинами. В итоге, чтобы не раздражать мужа, она устроилась продавать цветы в киоске – там она сидела в полном одиночестве.

У них родилось два сына. Старший, Владечек, вырос слегка избалованным любящими родителями. Младший, Анджей, был отзывчивым и хорошим парнишкой, он стал впоследствии автомехаником. Семья жила в Варшаве на улице Тамка. В 1966 году Владимир вместе с женой и детьми приезжал в гости в Свердловск и Томск. Будучи в Томске, дядя Володя посетил политехнический институт, побывал в архиве. Судя по всему, он пытался доказать, что все же окончил институт, и получить какой-нибудь подтверждающий документ. Но не получилось.

Как-то, беседуя с пани Целинкой, я поинтересовалась, почему они полностью сохраняют громоздкую двойную фамилию Бейнар-Бейнарович. Тут она и объяснила, что гордится этой известной фамилией, которая упоминается в книгах по истории государства Польского.

Переписка с этой семьей продолжалась до 1970 года, затем прекратилась. Поэтому дальнейшая судьба Бейнар-Бейнаровичей, родственников из Польши, мне неизвестна.

ГЕНРИЕТТА

Генриетта Геронимовна – тетьа Геня – последний ребенок в семье, родилась в Томске в 1910 году. Окончила общеобразовательную среднюю школу. Поступила на курсы чертежников-картографов, успешно окончила их и всю жизнь работала по этой специальности. Ее личная жизнь не сложилась. В молодости по непонятным причинам расстроилась свадьба с любимым человеком. Через несколько лет – опять все не так: ее бросил мужчина, узнав, что она ждет ребенка. Родилась прелестная девочка Ада, но прожила недолго, всего полтора года. Генриета осталась незамужней до конца жизни. Жила на съемных квартирах и только в 1944 году получила комнату в коммуналке от предприятия «Томлес», где проработала многие годы. Она была доброй и отзывчивой женщиной, по мере сил помогала родственникам – Валерии, Станиславе, Владимиру и другим. Умерла от онкологического заболевания в 1960 году. Похоронена по ее просьбе рядом с братом Александром на Южном кладбище Томска.

Генриетта Бейнар-Бейнарович. 1928 год

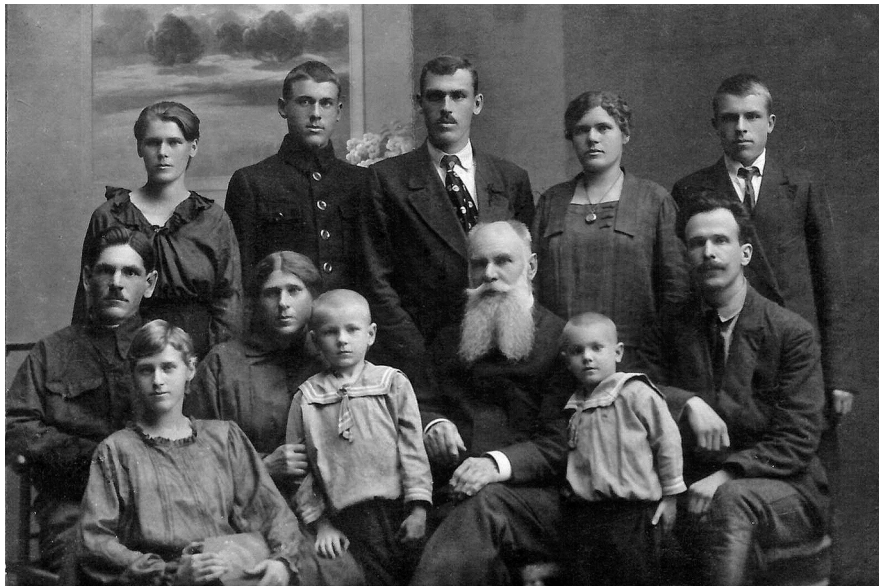
Сестры Генриетта и Валерия

Елена Михайловна (в центре) с дочерью Генриеттой и сыном Вацлавом. 1930 год

Большая семья Елены Михайловны. 1934 год

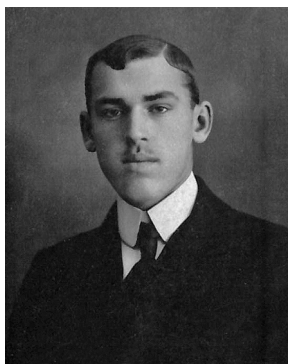

Слева направо, верхний ряд: Станислава, Александр, Вацлав, Валерия, Владислав.

Средний ряд: Дмитрий Лебедев, Елена Михайловна, Героним Сигизмундович, Николай Николаевич Рождественский.

Нижний ряд: Генриетта, Женя и Митя Лебедевы.

Отсутствуют на фото: Витольд (погиб в первую мировую войну), Зенон (уехал в Китай, спасаясь от гражданской войны), Леопольд (пропал без вести, возможно, в застенках НКВД).

**Вацлав Бейнар-Бейна-
рович. 19 лет**

ОТЕЦ

Вацлав Геронимович Бейнар-Бейнарович (Ватя, Ватечек) родился в 1899 году на станции Петрушки (Усолье Сибирское) близ Иркутска. В Томске окончил реальное училище с очень хорошими оценками. Вацлав был очень привязан к своему старшему брату Витольду, с детства подражал ему во всем. Он очень тяжело переживал раннюю смерть брата на фронте первой мировой и всегда чтит его память. Бережно хранил его письма и фотографии, одну из которых, в офицерской форме,

работники НКВД посчитали за фото белогвардейского офицера.

Отец рано начал заниматься спортом и уделял ему много внимания. Спортсменом он был разносторонним. Упорные тренировки начались в спортивных секциях реального училища. Он занимался конькобежным спортом, участвовал в городских и

**Учащиеся Томского реального училища.
Слева Вацлав Бейнар-Бейнарович**

и областных соревнованиях, где не раз занимал призовые места. Также он принимал участие в легкоатлетических спартакиадах. В 1926 году он стал серебряным призером г. Томска по метанию копья. Еще в реальном училище он начал играть в футбол за команду «Кречет». Эта команда объединяла в основном небогатую часть спортивной молодежи Заозерья. Затем Вацлав перешел в клуб КОР (Клуб Октябрьской революции). В этом клубе он был и полевым игроком, и отличным вратарем. Вот как отзывался о нем его товарищ и одноклубник Дмитрий

Футбольная команда КОР. Первый слева – вратарь Вацлав Бейнар-Бейнарович. Снимок сделан на откосе Лагерного сада в 1926 году.

Невеста Павла и жених Вацлав. 1926 год

Маровецкий: «Вацлав был отличным спортсменом – стремительным, тактически умным, хорошо «читающим игру». И эти качества в сочетании с его культурой, доброжелательностью, умением ценить дружбу делали его незаменимым в команде». В футболе он достиг многого. Его команда побеждала в 1927 и в 1928 году, став абсолютным чемпионом города в классе «А».

Отец был высокого роста – за 180 см, отлично сложенным атлетом. Черные волнистые волосы, глаза серые, лицо красивое, интеллигентное, с тяжеловатой нижней челюстью.

Материальное положение семьи было плачевным. Помощь от отца, Геронима Сигизмундовича, минимальная. Надо было кормить и учить младших детей. Поэтому Вацлав сразу после окончания училища пошел работать, хотя и мечтал о высшем образовании. Работал по осушению земель, затем в буровой бригаде Александра Абрамова, где приобрел специальность бурильщика, а затем и бурового мастера гидробурения. Со временем отец стал специалистом по поиску подземных источников воды, по оборудованию буровых площадок и гидробурению. Работал он в Управлении железных дорог, разъезжая по всей России и обеспечивая железнодорожные станции необходимой для паровозов водой.

В 1926 году Вацлав женился на Павле Георгиевне Васильевой. Это была очень красивая пара. В 1928 году родилась дочь, и почти сразу же семья уехала из Томска, где жила до этого, в Алейск. Работая на железной дороге, отец был вынужден часто переезжать, семья следовала за ним.

Приобретая большой опыт работы, отец быстро продвигался по службе. Он был хорошим организатором и авторитетным руководителем. Написал небольшую, но очень нужную в то время книгу «Памятка бурового мастера» с собственноручными рисунками, чертежами и схемами. Последнее место работы – Оренбург. Там он работал начальником бурового участка Оренбургской железной дороги с окладом 800 рублей. В его распоряжении был специально оборудованный вагон, также у него была служебная легковая машина – в то время большая редкость – для разъездов по буровым площадкам. Под его руководством был разведан и запущен в эксплуатацию богатейший источник артезианской воды, крайне необходимой в сухих Оренбургских степях.

Отец легко устанавливал контакты с людьми. В рабочем коллективе его любили и уважали. В 1934 году родилась вторая дочь, Элеонора. Несмотря на постоянные отлучки и командировки, отец находил время для семьи. Он был очень заботливым по отношению к детям, всегда следил за их здоровьем, воспитывал любовь к природе, интерес к знани-

Отец с дочерью Мими. 1929 год

Вацлав Бейнар-Бейнарович всю жизнь проработал при Управлении железных дорог

ям, к занятиям спортом. Хотя в футбол в эти годы отец уже не играл, он оставался человеком глубоко спортивным, всегда подтянутым и хотел такими же видеть своих детей. Любимый отдых отца – небольшие походы с рюкзаком, ночевки у костра, охота, рыбалка. Старшая дочь уже начинала принимать участие в таких вылазках на природу.

Эта мирная жизнь была мгновенно разрушена, когда в ноябре 1936 года отца совершенно необоснованно арестовали. Причиной ареста был лживый донос со стороны глупой женщины.

Жизнь семьи круто изменилась. Мама ежедневно ходила в тюрьму с передачами для отца. Надо было отстоять длинную очередь из таких же несчастных родственников арестованных. Принимали не все и не всегда. Все продукты разрезали, прокалывали, потрошили. Интересно, что искали? Напильники? Перед отъездом из Оренбурга в Томск, к родным, нам неожиданно разрешили свидание. Это была моя последняя встреча с отцом. Он держался бодро, успокаивал маму. Одной рукой прижимал меня к себе, на другой держал маленькую Нэлю. Обещал, что все закончится хорошо, передавал привет родным в Томск, благодарил за помощь его семье. Просил маму обязательно дать детям высшее образование.

Мы уехали в Томск, иного выхода не было, а он остался в застенках НКВД. Все попытки мамы узнать о его дальнейшей судьбе оставались без ответа до 1957 года. В чем его обвиняли?

Выписка из приговора Военной коллегии Верховного суда СССР от 23 сентября 1937 г.: «Обвиняется за участие в контрреволюционной организации по ст. 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР».

Что за бред! Как можно было придумать такое и зачем? Папа был далек от политики, честный труженик, всецело занятый работой и семьей.

Отца расстреляли. В 1937 году ему было 38 лет.

Папа! Как мне не хватало тебя всю жизнь. Как счастлива была бы моя жизнь рядом с тобой. Как многому ты смог бы научить меня. Эти бездушные злодеи, по приказу которых убивали тысячи и тысячи неповинных людей, зачем они это делали? С какой целью? Для устрашения, для укрепления власти? Они еще и обездолили так много несчастных детей, лишив их отцов и пытаясь очернить их имена. Они остались безнаказанны, нет – прокляты нами.

После известного выступления Н.С. Хрущева на партийном съезде ситуация несколько изменилась. В ответ на очередной запрос мы получили удивительно лживый документ – свидетельство о смерти отца, произошедшей якобы в Томске.

РСФСР

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ
I-ЭК № 004201

Гр. БЕЙНАРОВИЧ - БЕЙНАР Вацлав Геронимович
/фамилия, имя, отчество/
умер /ла/ 16/Х-38 г. Шестнадцатого октября
тысяча девятьсот тридцать восьмого года
возраст 41 год
Причина смерти неизвестно
о чем в книге записей актов гражданского состояния
о смерти 1957 года февраля месяца 8 числа
произведена соответствующая запись за № 16
Место смерти: город, селение Томск
район Томская область, край
республика РСФСР
Место регистрации Томск
Горбюро ЗАГС /наименование/
/местонахождение бюро ЗАГС/
Дата выдачи 25 февраля 1957 г.

М.П. Заведующий бюро записей актов
гражданского состояния

Как возможно такое откровенное вранье со стороны государственного учреждения? Только позже, благодаря активным хлопотам Д.Е. Розина в Москве, мама получила справку из военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации отца.

Форма № 30

**Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР**

28 августа 1957 г.
№ 4н-02844 I/56
Москва, ул. Боровского, д. 13.

С П Р А В К А

— Дело по обвинению БЕЙНАР-БЕЙНАРОВИЧА Вацлава Геронимовича, работавшего до ареста - 22 ноября 1936 года - начальником бурового участка Оренбургской железной дороги, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 27 июля 1957 года.

Приговор Военной коллегии от 23 сентября 1937 года в отношении БЕЙНАР-БЕЙНАРОВИЧА В.Г. по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

БЕЙНАР-БЕЙНАРОВИЧА В.Г. реабилитирован посмертно.

 ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ СУДЕБНОГО СОСТАВА
ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ
/ЦЫРЛИНСКИЙ/

ак 3

Прошло 20 лет, а боль не утихла. Потом я узнала, что есть такой неординарный человек, студент Дмитрий Юрасов. Ему писали многие, и он многим помог прояснить судьбу близких людей. Этот замечательный человек поставил себе цель объять необъятное – составить список всех людей, незаслуженно погубленных в страшные годы сталинских репрессий. Он ездил с лекциями по городам России, работал в архивах и во многом преуспел – составил громадную картотеку. Нашлось в ней место и моему отцу.

Уважаемая Людмила Владимировна!
Ваш отец В.Г. Бейнар-Бейнарович
был расстрелян 23.04.1937 по приговору
сразу в ночь по вынесении. 1938 году
в справке-листе. Такие приговоры

Военный Коллегии приводили сразу.
Об этом судились также в Военного
Коллегии (ул. Коровилова д. 15. Архив!)
Есть ли в Тамских делах статей,
списков о расстрелянных? Можете ли
выяснить?
Д. Юрасов

К сожалению, не знаю, закончил ли он свой труд, но все равно большое спасибо!

Такова судьба моего отца и не его одного.

Упокой, Господи, души безвинно убиенных. Вечная им память.

Часть 2 ПО МАТЕРИНСКОЙ ЛИНИИ

ЛУКЕРЬЯ

В конце XIX века большая крестьянская семья вместе с другими переселенцами едет в Сибирь. Бедные, безземельные крестьяне надеялись найти работу и пропитание на строительстве Забайкальской железной дороги. Дорога строилась в составе Транссибирской магистрали в период с 1895 по 1905 год, и сюда прибывали сотни рабочих из Европейской России.

В семье было шестеро детей – пять дочерей (по порядку: Наталья, Марфа, Агафья, Ненила, Лукерья) и один сын – Дмитрий. Приехали, обустроились, дети подросли. Старшую, Наталью, выдали замуж за Сашку Шувалова. Молчун был парень, словечка лишнего не скажет, но надежный, работающий – скорняк по профессии. Вскоре и Марфа, и Агафья также нашли свою судьбу, вышли замуж. Тут, как на грех, поселили к ним в избу политического ссыльного, Федора. Приглянулась ему Ненила и заморочил он ей голову своими «сказками». Крепко любила Федора красавица Ненила, но эта несчастная любовь сломала ей жизнь.

Все сестры в семье были красивы, но краше всех – самая младшая, Лукерья – высокая, статная, роскошная черная коса ниже пояса. В ту пору ей шел шестнадцатый год. Гордая, величавая девушка, в повадках ее уже чувствовался волевой, сильный характер. Луша влюбилась в грузинского парня, Георгия. Отец его, Александр, был осужден и сослан в Сибирь за убийство кровника. В те времена в Грузии кровная месть была обычным делом. Вместе с отцом уехали с Кавказа в Сибирь сын Георгий и две дочери, Анна и Лариса.

Родители Луши не одобряли выбор дочери. Георгий, хоть и работал плотником, но слыл лоботрясом и лентяем, да и молод был еще – не старше 17-18 лет. Но нашла коса на камень. Никого не спросясь, без благословения родителей Георгий и Лукерья обвенчались и переехали на жительство в маленький рыбацкий поселок на берегу Байкала. Жили бедно, муж рыбачил, вернее, помогал местным рыбакам. В тот же год, 1901, родилась дочь Таисия, в 1903 году – вторая девочка, Павла. Муж был недоволен, он хотел сына.

Осень 1903 года. Славное море, священный Байкал кипит и гневается. Рыбаки вышли на промысел и вернулись без Георгия – говорят, что утонул по неосторожности. Лукерья в отчаянии, как теперь жить с двумя малышами? Мать Луши и сестры тем временем переехали в Мариинск, помощи ждать не от кого. А тут еще поползли странные

слухи, что будто бы видели Георгия живого и здорового на ближней железнодорожной станции... Чему верить? Молодая вдова решает уехать в Мариинск – там родные, там помогут. Она отправилась в путь пешком по проселку, на железнодорожную станцию Слюдянка. Шла босиком, чтобы не стоптать единственную пару ботинок. За спиной котомка, одной рукой прижимает к груди восьмимесячную Павлу, другой ведет за ручку двухлетнюю Таисию. Так и дошли. На станции Луша умоляет кондуктора пустить ее Христа ради в вагон проходящего поезда. Пожалел, впустил. Она забилась в уголок. Кто-то из пассажиров дал хлеба детям, проводник налил чаю. Доехали до Мариинска. Но и там жизнь не сахар – кому нужна такая обуза, кто будет кормить? Луша это хорошо понимает, но не может найти работу в маленьком городке, она неграмотна, ничему не обучена. И она принимает новое решение. Младшую дочь оставляет на воспитание в семье сестры, старшую берет с собой и уезжает в большой город Томск, где быстро устраивается работать прислужкой. Затем ей очень повезло – ее взяли кухаркой в дом профессора Яблокова, в семью добрых, уважаемых людей. Дочка кухарки росла и училась вместе с профессорскими детьми. Она усвоила хорошие манеры, умела вести себя за общим столом, хорошо училась и могла поддержать беседу на любую тему. Она и матери усердно помогала в работе по хозяйству. Лукерья тоже обучалась грамоте, и через несколько лет была уже в профессорском доме экономкой. В семье Яблоковых ее любили и уважали за трудолюбие, честность и преданность. У Яблокова она проработала всю свою жизнь, оставаясь до конца такой же красивой, статной и даже величавой, только с возрастом чуть располнела. Замуж больше не вышла. Умерла Лукерья рано, в 45 лет. К сожалению, не осталось фотографий этой красивой женщины, а может их и не было, вот только одна, посмертная. Мир праху ее.

О муже Лукерьи, Георгии, больше не известно ничего. Как-то отдыхала летом в Грузии, в Цхалтубо. Разговорилась с одной местной жительницей. Говорю, во мне тоже есть грузинская кровь – бабушка была замужем за грузином. Моя собеседница так и вскинулась: «А фамилия его какая? Можно найти родню!» Но вот фамилии его я и не знаю. Жаль.

Лукерья Васильева

НЕНИЛА

Хочу рассказать о сестре Лукерьи, бабушке Нениле, которую я хорошо знала. Это была добрая, тихая, какая-то безропотная старушка, готовая всем помочь и всех пожалеть. В молодости ей пришлось тяжко. Все началось с того, что в дом, где она жила с родными, подселили политссыльного, некоего Федора, революционера образца 1905 года. Ему приглянулась скромная милая девушка, воплощение невинности и простоты. Он стал оказывать ей знаки внимания, взялся обучать грамоте, читал книги, рассказывал «сказки» о светлом будущем, о коммунизме. Она доверилась ему, ловила каждое слово, свято верила всему, что он говорил. Ненила полюбила. Это была большая настоящая любовь. Дальше – больше. Она забеременела. К этому времени срок его ссылки истек, и он уехал. Позор и насмешки окружающих обрушились на девушку. Она все терпела и ждала любимого, но напрасно – не было даже писем. Родилась девочка, она назвала ее чудным библейским именем – Суламифь. Ненила боготворила этого ребенка, плод ее огромной любви, но девочка вскоре умерла. От тоски, от отчаяния Ненила не просто плакала, она выла. От горя она сошла с ума, больше года провела в психиатрической больнице Томска. Спасибо врачам – обошлось, вылечили, но вышла оттуда Ненила другим человеком – угасшая, как бы пришибленная, ко всему безразличная и равнодушная. Куда делась прежняя живая, веселая девчонка, а ей ведь было в ту пору всего семнадцать лет.

**Бабушка Ненила
Абрамова**

Ненилу выдали замуж за пожилого вдовца Ивана Абрамова. Она родила ему сына Александра. Это и есть дядя Шура Абрамов, мамин двоюродный брат. С его семьей бабушка Ненила доживала свой век в Томске, растила внуков. Умерла очень старенькой, за 80 лет.

БАБУШКА НАТАЛЬЯ

Наталья Шувалова, мамина тетка.

В 1938 году умерла моя бабуся, Елена Михайловна. Дядю Шуру Бейнаровича арестовали, и мама была вынуждена уехать из дома на Большой Подгорной, где мы жили до этого. Куда? Мама работала кассиром в большом магазине на углу улиц Фрунзе и Красноар-

Наталья Шувалова

мейской. Зарплата маленькая, снять комнату невозможно, и нас приютила у себя ее тетка, бабушка Наталья. Бабушка со своим мужем, дедом Сашей (Шуваловым), жили в собственном доме на улице Киевской. Дом маленький – две комнаты и кухня, но при нем очень большой огород, да еще на задах зеленая лужайка, где пасется коза. Есть еще и поросенок, который зимой в холода тоже обитает в доме, в загородке. В доме кроме нас живут две квартирантки, студентки пединститута. Мы втроем – я, Неля и мама – занимаем закуток за печкой, где стоит одна на всех кровать. Живем в страшной тесноте, но не в обиде.

Бабушка Наташа выглядит очень молодожаво. Она подвижная, энергичная, невысокого роста, смуглая, очень похожа на цыганку. У нее черные с проседью волосы – длинные, вьющиеся, она их распускает только после бани, и они, как шатер, закрывают ее. Одета всегда в темное: длинная, почти до пола юбка, собранная в сборки на поясе. А вот панталоны она не носила, и это очень меня удивляло.

Бабушка была женщина деловая, хозяйственная, глава семьи. Дед Саша – тихий, молчаливый. Он был скорняк, выделывал шкуры животных, брал заказы. Работал во дворе под навесом, но все равно вонь вокруг стояла ужасная. У них не было своих детей. Это была беда бабушки Наташи, но за свою жизнь она вырастила, выучила, направила на путь истинный четырех приемных. Нет, она не обращалась в детдома, она их где-то сама находила. Достойных людей воспитала. Приемная дочь стала известным детским врачом, работала в Новосибирске заведующей домом малютки. Ее последний приемыш, мальчик-подросток, потерял родителей во время войны, был эвакуирован в Томск с ремесленным училищем. Бабушка обогрела его, поселила у себя, и из заморыша вырос здоровый парень, рабочий высокой квалификации. Он так и жил с нею до конца, и ему она оставила в наследство свой домишко.

Предвоенные годы. Мы живем бедно, но не голодаем. Бабушка все время трудится на огороде и я с ней, с большой охотой, без принуждения. Это она как-то незаметно посеяла и вырастила в моей душе любовь к земле, к растениям, ко всему живому (а как следствие – биофак ТГУ, это я только сейчас поняла). Спасибо, бабушка Наташа! Вот она

**Павла Георгиевна с дочерьми –
Элеонорой и Людмилой**

надергала несколько пучков морковки, лука – и сразу на ближайший базарчик. Вот и деньги на хлеб. На обед будет молодая картошка, малосольные огурчики, козье молоко. Вечером с работы приходит мама и приносит кое-какие продукты из магазина. Наибольшим спросом в магазинах того времени пользовалась селедка, она поступала в больших, плотно закрытых бочках. Также часто покупали ливерную колбасу, дешевые консервы, повидло, халву, конфеты-подушечки, обычно слипшиеся в комок, леденцы. Все это было дешево, доступно. Конечно, были на прилавках и другие продукты – копченые колбасы, красная и черная икра, копченая

рыба, шоколадные конфеты... Но на эти вкусности можно было только смотреть сквозь витрину. А вот на улице в специальных тележках продавали мороженое (вы такого никогда не попробуете) – вкуснейшее, натуральное, без химических добавок, теперь такого давно не делают. И по цене вполне доступное – от 20 до 60 копеек. В те годы в магазинах не было в продаже мяса, молока, яиц и других скоропортящихся продуктов – в магазинах отсутствовали холодильники и в квартирах тоже. Все эти продукты можно было купить на базаре. Молоко в литровых бутылках и в четвертях привозили из пригородных деревень. Мясо продавали в мясном ряду, где сразу отрубают и взвешают любой кусок. Овощи продавали ведрами, ягоды – стаканами. Торговали на базаре частники или колхозники. Хлеб продавали отдельно от других продуктов, эти магазины так и назывались «Хлебные». Буханки были круглые, а не штучные кирпичи, их резали и отвешивали, сколько надо.

Мы прожили у бабушки Наташи около двух лет, пока мама не встретила Николая Константиновича Иванова. У них сложились отношения, и мы все вместе переехали в отдельное сравнительно просторное жилище на улице Белозерской, дом 30.

А десять лет спустя, когда у меня родилась дочь – безотцовщина, суразенок – моя мама в отчаянии плакала и жаловалась на жизнь, и на меня в том числе, всем родным и знакомым. Вот и к бабушке Наташе

пришла со слезами: «Как жить?» и т.п. Та молча выслушала, а потом серьезно так говорит: «Отдайте ребеночка мне». И мама сразу на полуслове замолчала – и как отрезала, больше не ходила, не жаловалась. Правда, меня продолжала шпынять при каждом удобном и неудобном случае. Такие вот дела.

Я виновата перед бабушкой Наташей. Я мало уделяла ей внимания, редко навещала и практически забыла о ней, погруженная в свои заботы. Прости меня, бабушка Наташа.

ТАЯ И ЕЕ МУЖ ДАВИД

Таисия Георгиевна Розина (тетя Тая).

Тае повезло в детстве больше, чем младшей сестре – она росла и воспитывалась в хороших условиях. Она сильно отличалась от Павлы и по характеру, и по манерам. В молодости это была веселая, жизнерадостная девушка, умница и мастерица на все руки. Окончила школу, затем получила достойную профессию бухгалтера. Тая жила и работала в Томске, но не раз приезжала в Мариинск, чтобы повидать сестру и других родственников. Там она и нашла свою судьбу – спутника на всю жизнь.

1917-й год. По пыльным улицам Мариинска проходит пролетарская демонстрация – несколько десятков молодых людей. Это рабочие-железнодорожники и работники спиртозавода, единственного в городе промышленного предприятия. Впереди группы демонстрантов шагает молодой парень и размахивает самодельным красным флагом. Все громко поют революционные песни. Сзади бежит толпа ребятишек. Обыватели с любопытством смотрят из окон – такое развлечение! Знаменосец – это Давид Ефимович Розин, сын местного сапожника-еврея. Не красавец, небольшого роста, худой, чернявый. Но какая в нем энергия, какая пробивная сила в стремлении к цели! Он стал лидером революционного движения в городе, а когда к власти пришли большевики, возглавил городской комитет ВКП(б).

В это время он и встретил девушку Таю. Влюбился сразу, с первого взгляда и на всю жизнь. Тая сначала не отвечала ему взаимностью, но Давид не отступил, пока не добился своего и не стал ее мужем. Они прожили вместе и в радости, и в горе более 50-и лет. И он все так же горячо и преданно любил ее и считал совершенством – самой умной, самой красивой, и уж конечно лучшей хозяйки, чем его жена, на свете вообще не было.

По мере становления советской власти Давид Ефимович сумел сделать стремительную партийную карьеру. Кстати, его родные – отец и братья – в начале 20-х годов эмигрировали в США и неплохо там обосновались. Как им это удалось? Возможно, не без помощи Давида. В Америке младший брат, Соломон, стал неплохим музыкантом. В 1970-е годы он прислал Давиду пластинку с записью своего фортепианного концерта. Старший брат занимался бизнесом.

Давид остался в России. В начале 30-х годов он с женой и сыном Борисом проживает в Москве, в квартире на Арбате, в престижном доме. Занимает высокие партийные должности. Является делегатом партийных съездов. Общается с членами правительства. Вскоре

его семья переезжает в известный «дом на набережной» (ул. Серафимовича, 2). Давид Ефимович руководит издательством «Молодая гвардия». Жена помогает ему во всем. Вместе с мужем Тая бывала и на кремлевских приемах. Она красива, раскована, не теряется в любом обществе. За ней ухаживают, влюбляются... Разумеется, Тая не испытывала к мужу такой же всепоглощающей любви, но безусловно она ценила его, глубоко уважала и по-своему любила. Возможно, Тая иногда изменяла мужу, но она берегла семью – никаких скандалов, никаких разводов! У Таи в Москве был широкий круг знакомств. Напри-

Таисия Георгиевна с сыном. 1926 год

Молодая семья Розиных. Тая и ее муж Давид с сыном Борисом. 1925 год

мер, известный в те времена летчик ухаживал за нею. Нарушая все предписания и уставы, он берет Таю в тренировочный полет над аэродромом. Желая блеснуть перед дамой мастерством, он выполняет фигуры высшего пилотажа, выкручивает мертвую петлю. Позеленевшую Таю уже на земле приводят в чувство...

Давид Ефимович. 1936 год

Таисия Георгиевна. 1936 год

Тетя Тая не работает, ведет «светскую жизнь», обслуживает мужа и сына. Несмотря на высокие должности, занимаемые Давидом, именно она глава семьи. Сын Борис учится в одной школе с дочкой Сталина, изучает иностранные языки, летом отдыхает в Артеке.

Такова первая, счастливая половина жизни этой семьи.

1938 год. Арестован Ежов. Давид Ефимович приезжает домой вечером очень встревоженный. Он достает с полки книгу Косарева, отрывает обложку, рвет ее пополам, говорит: «Надо выбросить!» – и кладет обрывки на стол. На следующий день его арестовали на работе. Домой он уже не приехал. Поздно вечером прибыли сотрудники НКВД с обыском. Искали долго, перерыли все, ничего «антисоветского» не нашли кроме разорванной книги, ее и забрали. Началась другая жизнь. Из знаменитого дома Розиных сразу же выселили в маленькую комнатку в коммуналке. Тетя Тая развозит вещи по знакомым. Кстати, некоторые «хорошие» знакомые в последствии эти вещи так и не вернули. Особенно жалела тетя Тая свою швейную машинку. Борис сумками таскает к букинистам книги из их большой прекрасной библиотеки. Исчезли куда-то многочисленные московские знакомые, остались только две-три семьи истинных друзей. Тая пошла работать. Борис заканчивает школу и его призывают в армию.

Давид Ефимович осужден, как обычно, на основании ничем не обоснованных, надуманных обвинений. Его сослали сроком на 10 лет в спецлагерь под Канском.

1941 год. Началась война. Борис с первых дней на фронте. Он пропал без вести. Как выяснилось позже, он попал в плен к немцам. Тетю Таю как жену «врага народа» выселили из Москвы. Сослали куда-то на север Сибири, в Красноярский край. Она прожила там несколько лет, болела цингой, потеряла все зубы, но не сломилась, выдержала все.

Давид Ефимович отсидел свой срок, и вот чудо – его освобождают! Они встретились с женой после многолетней разлуки на железнодорожной станции Топки. Трудно найти слова, чтобы рассказать о чувствах Давида, когда он встретил свою жену после десяти лет разлуки и страшных сталинских лагерей.

Давид смеялся и плакал одновременно. Он вновь обрел свою любимую, единственную жену. Он не отпускал ее руки и твердил: «Теперь все, теперь все...». Эта встреча придала ему новые жизненные силы. И снова пробивной характер Давида дает о себе знать, он устраивается работать на домостроительный комбинат. Вскоре Розины построили небольшой уютный домик в поселке Матвеевка, недалеко от Новосибирска. Давид Ефимович работает кем-то вроде снабженца, жизнь налаживается. И вдруг – опять арест, тюрьма. В 1953 году Давида Розина наконец-то полностью реабилитировали, они с женой возвращаются в Москву. Это уже больные пожилые люди, но дух не сломлен – они выжили, перенесли все невзгоды. В Москве Розины получили небольшую комнату в коммунальной квартире на Ленинском проспекте. Живут скромно, дядя Додя работает где-то завхозом, тетя Тая – домохозяйка. Давид переписывается с родственниками из Америки, гордится ими.

**Борис Розин, 18 лет.
Погиб в фашистском плену
в 1941 году**

Снова вместе в Москве. 1958 год

Прошло несколько лет. У тети Таи рак легких. Она курила всю жизнь и продолжает курить все так же красиво и элегантно. Затем – неизбежный конец. Давид Ефимович пытался как-то наладить свою жизнь без Таи. Еврейские родственники подыскали для него подходящую невесту, сосватали. Она переехала к нему, но он не смог прожить рядом с другой женщиной даже двух месяцев. Она все делала не так, как Тая – не так мыла посуду, не так вытирала пыль... Его все это ужасно раздражало, и он попросил ее уехать из дома, где они прежде жили с Таем. Вскоре и он ушел из жизни вслед за своей единственной, неповторимой женой.

Павлуша Васильева, 16 лет

ПАВЛА

Младшую дочь Лукерья назвала Павлой. Ее она оставила в Марининске, в семье своей старшей сестры, и аккуратно высылала деньги на ее содержание. Девочка росла нелюдимиой, диковатой. Ей очень не хватало любви и внимания взрослых. Только бабушка Марфа опекала ее, жалела, старалась дать лишний кусочек. О ней Павла позже вспоминала с любовью. Девочку отдали в школу, она окончила только четыре класса. Очень редко, по праздникам, Павлушу привозили на пару дней в Томск, к матери и сестре. Она завидовала сестре Таем – ее жизни в богатом доме, ее нарядным платьям, но главное – завидовала тому, что она живет с мамой.

Павла. Она была не просто красива, а очень красива

Девочки растут, Тая уже невеста, Павлуше 15 лет. Мать забирает ее, наконец, к себе, в Томск, и определяет в торговую школу. С некоторыми трудностями школу она оканчивает и приобретает специальность кассира, начинает работать в магазине.

Павла была не просто красивой, а очень красивой девушкой, больше

Вацлав и Павла Бейнар-Бейнарович. 1927 год

похожей на своего отца-грузина, чем старшая сестра. Тонкий нос с изящной горбинкой, правильный овал лица, вьющиеся крупными локонами темные волосы и ярко-голубые глаза. Она как бы соединила в себе броскую привлекательность восточных красавиц с северной красотой сибирских девиц. Павла работала в кассе Нижнего гастронома, и зачастую мужчины заходили в этот магазин не столько за покупками, сколько чтобы полюбоваться на красивую кассиршу. Конечно, с годами красота ее менялась, но она оставалась красивой всю жизнь. Даже будучи уже совсем старушкой, Павла выглядела очень импозантной. Но права поговорка: «Не родись красивой, а родись счастливой». Мало счастья выпало на ее долю. Она никогда не жила богато, даже просто материально хорошо обеспеченной. Зато были в ее жизни годы и годы страшной бедности, полуголодного существования и постоянной борьбы с лишениями. Жизнь ставила перед нею непосильные задачи и, главное, надо было вырастить и выучить детей. Она справилась.

Ее жизнь в начале 20-х годов практически неизвестна. Сама она никогда не рассказывала, где, как и с кем жила в эти годы. Спросить уже не у кого. Лишь однажды коротко упомянула, что уезжала с кем-то, возможно, с мужем, в Ленинград, но прожила там недолго и вернулась обратно в Томск, видимо, одна.

В 1925 году Павла познакомилась с Вацлавом Бейнар-Бейнаровичем. Это была судьбоносная встреча. Красавец, спортсмен, учтивый кавалер – как тут не влюбиться! Любовь была взаимной и сохранилась на долгие годы. Сыграли свадьбу – очень скромно: денег мало, своего жилья нет. Поселились на квартире у родственников Павлы, Тяжелниковых, на Соляной площади, дом 2. Вацлав, видимо, с помощью отца устроился на железную дорогу. Там он и проработал всю жизнь. Работа была связана с частыми переездами. Семья следовала за ним и вела практически кочевой образ жизни, не имея ни кола, ни двора.

В 1928 году родилась дочь Людмила, и тут же, в двухмесячном возрасте, ее увезли из Томска. В 1934 году, в Ельце, родилась вторая дочь, Элеонора. Было пережито много бытовых трудностей, но главное – была любовь, была семья.

Наконец, они надолго осели в Оренбурге, жизнь налаживалась, появился кое-какой достаток – хорошая квартира, высокая должность у Вацлава.

Родилась дочь Людмила. 1928 год

Павла не работает, ведет хозяйство, растит детей. Увы, все это рухнуло в одночасье. Мужа арестовали.

За два дня до ареста мужа она видела вещий сон. И он сбылся. Она потом часто этот сон пересказывала.

Трудно описать, какой кошмар пришлось пережить Павле Георгиевне. Молодая красивая женщина в 32 года осталась одна, без работы, без денег, с двумя детьми на руках. Помочь некому, родных рядом нет. Из квартиры вышвырнули в трехдневный срок, переселили в подвал. А тут еще и дети заболели: у Нели скарлатина, Милу трясет малярия. Спасибо, приехала бабушка Елена Михайловна, вместе они приняли правильное решение: переезжать в Томск. Павле было тяжело решиться – пойти на это значит бросить мужа в тюрьме и остаться в полном неведении о его дальнейшей судьбе. И все же правильно сделали, что уехали из Оренбурга. Многие женщины, жены арестованных «врагов народа», оказавшиеся в таком же положении, были вскоре сосланы в спецлагеря, а дети определены в детские дома. Наша семья избежала этой участи, уехавшую из города Павлу Георгиевну Бейнар-Бейнарович искать не стали.

В течение следующих десяти лет никаких сведений о муже Павла не имела, на все запросы, письма ответа не было. Только в 1957 году она узнала, что ее мужа расстреляли. Прошло много лет, когда пришло это известие, но мама сильно плакала и проклинала его убийц. Благодаря хлопотам Д.Е. Розина, прислали справку, что Вацлав Геронимович ни в чем не виновен и оправдан посмертно. Маме было предложено получить его зарплату за 2 месяца – 1600 рублей. Это что? В качестве утешения? Или компенсация за расстрел невинного человека? Со стороны это выглядит, как насмешка, издевательство.

Жизнь семьи в Томске тоже была не сахар. Работала опять же кассиром в томских магазинах. Зарплата крошечная, своего жилья нет. В 1939 году Павла Георгиевна соединила свою судьбу с Николаем Константиновичем Ивановым. Вряд ли это была горячая любовь, ско-

**1935 год, Оренбург.
Павла – счастливая мать и жена**

рее холодный расчет. Только материального расчета здесь совсем не было, да и заработки Николая Константиновича были невелики. Дело в другом. Возникла надежда найти поддержку, хоть какую-то опору в этой жизни. Они и помогли друг другу выжить в годы войны, они долго прожили рядом, притерпелись, притерлись. Хотя, конечно, ругани и ворчания со стороны Павлы Георгиевны было предостаточно, уж таков характер.

Тяжелые военные годы мама перенесла мужественно, работала, тянула семью из последних сил, сделала все, чтобы сохранить детей. Помощи не было ниоткуда. Меня до сих пор удивляет и восхищает ее сила и мужество.

Павла Георгиевна

Надо сказать, что характер у мамы был далеко не простой. В нем были некоторые черты вампиризма – временами она стремилась всячески унижить зависимого от нее человека, явно получая от этого какую-то эмоциональную энергию. Она могла устроить на пустом месте, из ничего хороший семейный скандал. Свои непомерные тяготы она нередко срывала на близких людях, жить вместе с ней было трудно. Если в очередной раз она начинала меня ругать за мои грехи, вольные и невольные, я старалась отмалчиваться. Но как много она сделала, как много сил и здоровья отдала своим детям и внукам. Дочери повзрослели, стали жить отдельно и заботы о собственных детях, ее внуках, снова взвалили на Павлу Георгиевну. Она не возражала, приняла это как должное, как свою обязанность. И вынырнула сначала Наташу, потом Андрюшу.

Она съездила в гости в Москву, повидалась со старшей сестрой Тайей незадолго до ее смерти.

Я любила свою маму всегда, а вела себя неправильно по отношению к ней. Только теперь я это хорошо осознала. Близкий человек должен всегда чувствовать твою любовь, не надо ее прятать, скрывать за мелкими обидами или плохим настроением. Мамоchка, прости меня за все, все-таки я была глупая, плохая дочь. Прости.

Старость Павлы Георгиевны прошла в заботах о младшей дочери и внуке Андрюше. Жила на улице Кузнецова, все так же с Николаем

Две сестры – Таисия и Павла. 1923 год

Прошло 35 лет, время неумолимо. 1958 год

Константиновичем. Пенсия очень скромная, немного помогали дочери. Летом с удовольствием жила на даче в Заварзино. Болела душой за своих близких. Часто говорила, что она устала жить.

Она умерла легко – не болела и долго не мучилась. Ей было 79 лет, когда она ушла. Но и там она продолжала беспокоиться о нас. Мистический случай в моей жизни произошел через несколько недель после смерти мамы. Было раннее утро, часов 5 или 6. Я проснулась, в комнате сумерки. И я увидела маму, ее призрак. В обычной ее домашней одежде, она двигалась, как бы плыла от окна к моей кровати. Нет, я не спала, и это был не сон – я понимала, что вижу призрак. Никакого испуга или тревоги я не испытала. Ведь это была мама! Она присела на край кровати, и я отчетливо услышала ее голос, но не ушами – звука не было. Голос возник в моей голове, очень четко. Она спросила: «Ну как вы тут без меня»? И я ответила так же мысленно: «Ничего, мамочка, не беспокойся». И она исчезла.

Мама, спасибо тебе за все и прости меня, глупую, плохую дочь, за то, что мало ценила тебя, так мало заботилась и помогала. Прости.

Часть 3 ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

САРАТОВ

Отец работал на железной дороге. Наша семья очень часто переезжала с места на место. Мои первые детские воспоминания – железнодорожный вагон. Я любила спать на верхней полке, меня укачивал стук колес, мягкое потряхивание вагона. Часами я с интересом смотрела в вагонное окно на пробегающие мимо пейзажи. Эта любовь к поездам осталась на всю жизнь.

Первое связанное воспоминание – о жизни в Саратове. 1932 год, мне от роду четыре года. Живем на съемной квартире в двухэтажном доме. Хозяйка, не очень приветливая, живет внизу, мы – наверху. Две комнаты и темный коридорчик, где мама устроила кухню. Большая комната, как говорили – зала, выходит окнами на улицу. В углу большой фикус в кадке, у окна мое любимое кресло-качалка – большое, плетеное, очень удобное. Из окна видна улица, она вымощена булыжником и идет вниз, к реке Волге. Ниже по улице, через один-два квартала, православный храм. На улице много нищих, бедно одетые люди бредут к церкви. Изредка по булыжнику гремят повозки.

О чем говорят взрослые вокруг меня: голод. В Поволжье голод. На крыльце нашего дома утром нашли умершего от голода мальчика.

Отца часто нет дома, он в разъездах по работе. Мама раз в день дает мне незабываемо вкусную еду – это смесь меда, сливочного масла и какао-порошка. Где родители смогли достать в то время такие калорийные продукты? Может, отец откуда-то привез, не знаю. Эту смесь можно намазывать на хлеб. Хлеб выдавали строго по норме и не всем подряд. Эту смесь я могу порекомендовать всем истощенным или больным детям. Очень полезно.

Людмила Бейнарович, 4 года

Мама. 1932 год

Помню свое любимое платье из ситца – на кокетке, голубое в белый горошек. Помню, к нам приходил врач. Мама худая и измученная. Квартирная хозяйка чем-то недовольна, все время ворчит. Мне кажется, что это я виновата. В чем?

В Поволжье в этом году засуха, неурожай. Люди, особенно в деревнях, голодают, едят лебеду. Ослабевшие от голода, они идут в город, но и здесь не лучше. Я видела этих людей и запомнила их надолго, на всю жизнь. Толпы людей шли по нашей улице, опустив головы, медленно передвигая ноги. Некоторые ложились на обочине. Шли к Волге, надеясь попасть на баржи и сплавиться по реке в другие районы, где с хлебом по-лучше. Много людей умерло в те годы.

НЕМЕЦКИЙ ХУТОР

Родители мои, чтобы спасти от недоедания и немного поправить мое здоровье, отправили меня на все лето на хутор. Не знаю, на каких условиях они договорились об этом с немецкой семьей, но поступили они правильно. В то время недалеко от Саратова проживало много немцев. Город Энгельс был практически целиком немецким. Во время войны их всех выселили из этого района. Когда позже, через много лет, я с экскурсией ездила по Волге, экскурсовод делала вид, что никогда не слышала о немцах Поволжья, которых там поселила еще Екатерина II.

Хутор стоял на отшибе. Большой добротный дом. Большие комнаты, высокие потолки, изразцовые печи. Совсем не похоже на русские деревянные избы. Везде порядок, все прибрано, чисто. Семья большая, есть дети, но я с ними не играю. Они говорят по-немецки. Я вскоре запоминаю отдельные слова. Ко мне хорошо относятся – спокойно, на равных с другими детьми. Кажется, я младше всех. Почему-то ярко запомнился завтрак: большой стол, вся семья вокруг, на столе самовар, большие кружки, свежий хлеб ломтями, прямо на скатерти. Каждому ребенку каждое утро дают сваренное вкрутую яйцо. Это меня потрясает. Интересно, что яйца варят в самоваре – укладывают под крышкой между выступом самоварной трубы и краем, они и не проваливаются. Также запомнила, как выпекали хлеб, и особенно – как

пекли баранки. Из круто замешенного теста делали калачики, затем их варили в большом чугуне, потом надевали на длинную деревянную палку и засовывали в русскую печь. Ничего вкуснее этих баранок я в жизни никогда не ела. Сверху румяная корочка, внутри теплая вкусная мякоть.

Около дома большой чистый двор и хозяйственные постройки. Я впервые знаколюсь с животными – лошади, коровы, птицы. Немецкие дети помогают взрослым по уходу за скотиной, мне тоже хотелось бы, но я еще мала.

Вот так хорошо я провела это лето и сохранила на всю жизнь благодарность и уважение к немецким колонистам Поволжья.

ЕЛЕЦ И ДРУГОЕ

Я родилась в Томске, в роддоме им. Семашко. Так как папа в это время был в очередной командировке, маму в роддом провожал дядя Володя, младший папин брат. Он очень волновался и переживал за нас с мамой. Все обошлось благополучно. Из роддома меня перенесли в дом на Соляной площади, 2. Крестили в Воскресенской церкви. Уже в двухмесячном возрасте я начала путешествовать по российской земле. Семья переехала в Алейск, а потом переезжала все дальше и дальше. Отец всю жизнь проработал на железной дороге, бурил скважины, искал воду, необходимую для заправки паровозов. Его переводили с места на место и семья следовала за ним. Так мы попали в город Елец. Чем знаменит этот город? В нем издавна добывали каменную соль. На пачках с солью так и написано: «Елецкая соль». Залежи соли находятся в земле.

В 1934 году, весной, в Ельце родилась моя сестра Элеонора. Почему-то ее появление на свет не произвело на меня должного впечатления. Скорее, наоборот, я была недовольна. Мама рассказывала, что я однажды даже пыталась

Элеонора-Нэля-Елена. 1934 год

спрятать малютку под кровать. Я хорошо запомнила, как ее крестили. Мама не могла просто пойти в церковь и окрестить ребенка – из-за этого могли возникнуть неприятности вплоть до увольнения с работы. Это были времена гонения на церковь. Церкви закрывали, священнослужителей арестовывали и даже расстреливали. Поэтому сестру крестили как бы тайно. Священник пришел к нам домой. Службу проводили во дворе дома, но все же это было торжественно и красиво. Пришли соседи, все были празднично одеты. Сестру нарекли Еленой.

Из поездки вернулся отец. Его не было на крестинах. Сказал, что встретил в поезде маленькую красивую девочку, которую звали Нэля, и это имя ему очень понравилось. Мама согласилась, с тех пор и до конца ее дней нашу Элеонору-Елену стали называть Нэлей.

В Ельце наш деревянный небольшой дом стоял на широкой, тихой, поросшей травой улице. Было лето. Большую часть времени я проводила на этой улице. У нас собралась небольшая компания детей 6-10 лет, мы очень сдружились, играли вместе дни напролет, пока вечерами родители не разгоняли нас по домам. Во что играли? Теперь уже забыты эти игры, сегодняшние дети почему-то так не играют. Например, в прятки, «третий лишний», «горелки», «ручеек», «жмурки», «кошки-мышки» и другие. Но особенно мне запомнилась одна игра, наверное, самая древняя – «А мы просо сеяли». Слыхали о такой? Хотите, опишу подробнее. Игроки делятся на две группы и выстраиваются в две шеренги друг против друга на расстоянии 5-8 метров. Стоят тесно, взявшись за руки. И вот одна шеренга, четко печатая шаг, с песней идет на сближение со второй. Закончив петь, отступает, а наступать начинает вторая группа. И так по очереди до конца игры идут друг на друга и громко поют:

– А мы просо сеяли, сеяли (два раза).

Вторые отвечают:

– А мы просо вытопчем, вытопчем, – каждую строку повторяют два раза.

– А чем же вам вытоптать, вытоптать?

– А мы коней выпустим, выпустим!

– А мы коней в плен возьмем, в плен возьмем!

– А мы коней выкупим, выкупим!

– А чем же вам выкупить, выкупить?

– А мы дадим девицу, девицу!

– Она будет плакати, плакати.

И так далее. В итоге девицу отдают или нет. Побеждает та команда, в которой к концу игры будет больше игроков.

Что еще было интересно в нашей детской жизни? Многое. В городе или недалеко от него была расквартирована воинская часть. Красная

Армия – так она тогда называлась. В ней служили не солдаты, а бойцы-красноармейцы – «от южных границ до восточных морей Красная Армия всех сильнее!»! Всей гурьбой мы бегали к казармам и на плац, где проходили военные учения. Особенно интересно было наблюдать за кавалерией. Бойцы в синих галифе и защитных гимнастерках, в шлемах-буденовках с нашитой спереди красной звездой и с шашкой в ножнах. Они скакали верхом, преодолевали различные препятствия, выполняли в седле сложные упражнения. Самой зрелищной была рубка лозы. Вдоль плаца расставляли легкие треножки, на которых на высоте человеческого роста закреплялась лоза – прутья. Всадники на полном скаку летели вдоль этого коридора и яростно рубили шашками направо и налево, срубая лозу. Но могли и промахнуться. Мы, дети, стояли в сторонке, разинув рты. Красноармейцы нас не прогоняли.

Осенью меня отдали в какой-то «приготовительный» класс – готовили к школе. Но я к этому времени уже умела читать, писать и считать.

ОРЕНБУРГ. ДО И ПОСЛЕ

До – значит до ареста отца. Это была самая счастливая пора моей жизни.

Мы живем в большом двухэтажном доме на ул. Гончарова. Первый этаж занимает контора, где отец – начальник. Это буровая контора по гидробурению при Оренбургской железной дороге. Там кабинет отца, бухгалтерия, помещение, заполненное образцами-кернами, и еще какие-то производственные помещения. Во дворе мастерские. На втором этаже две квартиры. Одну, большую, занимает наша семья, во второй живет супружеская пара, приехавшая с КВЖД, из Харбина.

Отец. 1935 год

Мама не работает, возится с детьми. Отец, как всегда, в постоянных разъездах, у него теперь отдельный вагон. Сухим оренбургским степям нужна вода. И воду нашли. Пробурили артезианскую скважину. Ударил фонтан. Отец привез домой бутылку с этой прозрачной и вкусной водой. Его наградили за эту работу.

Несмотря на занятость, папа уделяет мне много внимания. Готовит из меня спортсменку. Мы вместе бегаем, висим на турнике, играем в футбол. Он всегда готов отвечать на мои многочисленные вопросы. Например, почему в бане с потолка вода капает? Как устроен паровоз?

Почему из скважин вода бьет фонтаном, но не из всех? Почему, почему? Он даже берет меня на рыбалку с ночевкой, хотя мама против. Это невозможно забыть: палатка, костер на берегу, уха и комары. Вот такой отец был у меня.

Летом я тяжело переболела коклюшем, мучил кашель до рвоты.

Осенью иду в школу, мне семь лет. Отец из командировки привез мне подарок – прекрасно изданную книгу Р. Кипплинга «Маугли» с замечательными иллюстрациями. Это первая большая книга, которую я прочитала самостоятельно. Она хранится у меня до сих пор. Эта книга заложила начало моей безграничной любви к чтению, к художественной литературе.

Живем мы вполне обеспеченно, одеты, обуты, все необходимое вроде есть. Внезапно заболела Нэля – развился абсцесс, глубоко в ягодичной мышце. Сделали операцию, но неудачно, началось заражение крови. Маме сказали – безнадежно. Она послала телеграмму тете Тае, схватила ребенка и в тот же день на скором поезде уехала в Москву. Дядя Додя, благодаря своему высокому положению, устроил помещение Нэли в кремлевскую больницу. Сделали вторую операцию, на диафрагме, все обошлось благополучно – врачи просто воскресили девочку. Через несколько дней после отъезда мамы меня тоже отпра-

вили в Москву, к Розиным. Жили Розины на Арбате. По этой улице часто проезжали в машинах члены правительства, возможно, и Сталин. В это время выходить из дома и даже на балкон было запрещено. Везде стояла охрана. В семье Розиных все работали, за мной и Борисом присматривала домработница, с нею мы ходили за покупками в магазины и в больницу, навестить маму и Нэлю. Запомнились московские улицы, детская площадка во дворе, где я играла с другими ребятами.

Примерно через три недели Нэлю выписали, и мы с мамой уехали домой. Врачи сказали: если до семи лет нога будет расти, то это хорошо. Нога росла, но так и осталась немного изуродованной, короче другой. Нэля носила в детстве ортопедическую обувь.

Нэля после болезни

Людмила и Борис. Москва, 1935 год

В Оренбурге я хожу в школу, учусь хорошо. Папа привез первую модель патефона и пластинки – вам и не снилось такое чудо техники! Круглая небольшая металлическая коробочка с пружинным механизмом и отставленным в сторону звукоснимателем в виде козьей ножки. Я гуляю во дворе, люблю заходить в столярную мастерскую. Сажусь на ворох стружки и наблюдаю за работой столяра-краснодеревщика. Он делает на заказ письменный стол для папы.

Все резко изменилось в 1936 году. В городе начались массовые аресты. Отца арестовали, когда он возвращался из служебной поездки, даже не дали зайти домой. В дом пришли ночью три человека в форме работников НКВД. Начался обыск, перерыли все вещи, перетрясли все книги, заглянули даже в детскую кроватку. Я не понимала, что происходит и где же папа. В результате забрали папино охотничье ружье – хорошее, немецкое, фирмы «Зауэр», патронташ, что-то еще незначительное из вещей и фотографии. Особый интерес у них вызвала фотография папиного старшего брата Витольда в офицерской форме. Прямо глаза загорелись: как же, белый офицер! А он был в младшем офицерском чине во время первой мировой войны, где и погиб. Объяснениями пренебрегли, фото взяли. Нас тут же выселили из квартиры в комнату в подвале. Кстати, наших соседей по квартире, приехавших из Харбина, тоже вскоре арестовали. Такая беда случилась со многими.

Началась наша новая жизнь. Мама срочно распродала вещи, бегала по инстанциям, узнавала, где отец. Я, возвращаясь из школы домой, в наш подвал, как заклинание, всю дорогу повторяла про себя или шепотом: «Вот я сейчас приду домой, а папа уже дома. Вот я сейчас...». И так изо дня в день. Но чуда не происходило. Однако я твердо знаю в свои семь лет, что мой папа ни в чем не виноват, что все, что произошло с нашей семьей, очень несправедливо.

А что вокруг, о чем говорят? Теплоход «Челюскин» потерпел аварию во льдах. Папанинцев снимают со льдины герою-летчики.

Фотография детей. Она была у отца в тюрьме до конца его дней

А тут новая беда. Нэля заболела скарлатиной, и ее увезли в инфекционную больницу. Меня трясет малярия – комары наградили. Мама ходит в больницу к Нэле, в тюрьму с передачами к отцу. Там много таких, как она, стоят длинные очереди. Ее не бывает дома по целым дням. Я лежу одна на кровати, собрав все одеяла, пальто и даже половики. Меня бьет крупная дрожь, ее ничем не унять, а потом жар, температура под сорок градусов. Приступы повторяются, как по расписанию, в одни и те же часы через день. Я пью хинин. Из всех горьких веществ это самое наигоршее.

Мама написала в Томск, и вскоре к нам на помощь приехала моя дорогая бабуся, Елена Михайловна. Стало немного легче. Но денег нет, живем только за счет продажи вещей из прошлой жизни. Мама с бабусей решили, что лучше уехать в Томск, к родным. Мама долго колебалась – как же отец? И вот небывалое везенье – нам дали свидание с отцом. Это свидание я помню, как сейчас. Оно было необычным и проходило в кабинете следователя. Следователь сидит за столом, что-то пишет и не обращает на нас внимания. Мы все сидим напротив него на кожаном диване. Нэля на руках у отца гладит его по стриженной под ноль голове и демонстрирует ему свою также остриженную после больницы голову. Я сбоку прижалась к папе и молчу. Говорит в основном папа. Он успокаивает нас, мол все это недоразумение и скоро кончится, все будет хорошо. Но видно, что сам в это не верит. Он одобряет решение уехать в Томск. Просит что-то передать родным. И несколько раз повторяет маме, что она должна выучить детей, дать им высшее образование. Свидание короткое, мы прощаемся, и мама с разрешения этого нетипичного следователя передает папе фотографию детей. Я уверена, что с этой фотографией он не расставался до конца, до последней минуты... Его расстреляли в ноябре 1937 года.

Почему арестовали моего отца? Мамина версия: папу арестовали по доносу, который написала работница бухгалтерии. Она обиделась на него за то, что он не поддержал ее сексуальных заигрываний. И решила отомстить. Возможно, так оно и было. В чем обвиняли отца? Обвинения всех несправедливо арестованных в общем-то одинаковы: «враг народа», «вредитель», «заговорщик», «шпион» и т.п. Все они совершенно необоснованны, надуманы, иногда просто глупы. Я тогда не знала, в чем обвинили конкретно отца. «Участие в контрреволюционной организации» было написано в справке, полученной позже, а это наглая, грязная ложь. Только не могу понять, зачем они это делали и в таких огромных государственных масштабах? Чего добивались? Осознали ли все то зло, что сотворили? И кто их осудит за содеянное? Ведь за это так никто и не ответил.

Мой отец. Таким он был

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РОДНОЙ ТОМСК

Как только закончились занятия в школе, мы быстро собрались в путь, в Сибирь. Почему-то дорога показалась мне очень долгой. Мы сделали только одну остановку на три дня, на станции Чулым. Там жила семья Лебедевых – папина сестра Станислава, ее муж Дмитрий Лебедев и два их сына, Митя и Женя. Нас встретили очень хорошо. Лебедевы работали на железной дороге телеграфистами. Дядя Митя был на охоте и привез много дичи, уток. Было большое застолье, но без особого веселья.

Поехали дальше, в Томск. Бабуся привела нас в дом своего сына, Александра Геронимовича, для меня – дяди Шуры. Он был искренне рад помочь семье брата. Жили на улице Большой Подгорной, во флигеле – три комнаты и кухня. Места много, но и народу немало – дядя Шура, его жена Августа Васильевна, двое ее детей от первых двух браков, на мой взгляд почти взрослых, маленький сын Владислав, бабуся и нас трое. Кое-как разместились.

Сын тети Гути, Анатолий, студент автодорожного техникума, очень серьезный хороший парень. Видя, что я люблю читать, он стал приносить мне книги из библиотеки. Спросил: «Что больше любишь»? Говорю: «О животных». И он подбирал мне такие книги, иногда даже очень серьезные. Толя ушел на войну и погиб в 1944 году. Его сестра Галя была веселой и немного взбалмошной девушкой. Училась в медучилище. Много подруг, шутки, танцы и другие развлечения. Один раз со смехом рассказала, что с подружками обошли все большие магазины

Нэле четыре года

по улице Ленина и перемерили все дорогие наряды, которые им понравились. Особенно меховые шубы.

Младший сын, пятилетний Владик, был ровесником Нэли. Они сдружились. Забавно было смотреть, как они танцевали танго и фокстрот под граммофон. В большой комнате стоял старинный граммофон с большой трубой и было много старых пластинок. Его часто заводили.

Мама быстро устроилась на работу в магазин, кассиром. Сразу после приезда бабуся повела меня на малярийную станцию (вроде, так она называлась), которая находилась

на ул. Ленина рядом с музеем. Томские медики, спасибо им, с помощью каких-то новейших в то время лекарств быстро меня вылечили. Прощай, малярия! Однако много позже, когда моей собственной дочери потребовалось переливание крови, врачи отказались брать мою кровь, так как в ней якобы могли сохраниться возбудители малярии. Кровь взяли у моей мамы. Нэлю определили в детский сад. Живем! Я провожу все время с бабусей. Я ее очень люблю, это самый близкий мне человек. В чем уникальность этой женщины? Она необразованна, с трудом подписывает свое имя корявыми буквами. Но она очень мудрая и умелая, практически одна вырастила девять детей и растит внуков. Она безмерно добра, у нее явный педагогический талант. Она не балует детей, а очень разумно учит всему хорошему и необходимому в жизни. Дети ее любят и безоговорочно послушны. Меня она всегда защищала от мамы, когда та в очередной раз ругала за мелкие проступки. Маме тяжело, и она часто срывалась на мне. Став постарше, я научилась отключаться, не замечать, не слышать выпадов в свой адрес. Вот примерный день моей жизни с бабусей. Встаем утром. Завтрак. Все взрослые ушли на работу, дети – в детский сад. Мы с бабусей идем на базар. Базар был на том месте, где сейчас стоит здание драматического театра. Обходим торговые ряды. Выбираем, покупаем немного, самое необходимое: кое-какие овощи, яички и кучку белых грибов. Это недорого. Возвращаемся домой и готовим обед для всей семьи. Я помогаю, чем могу, и учусь. Так я и научилась варить суп с грибами, который теперь обожает моя дочь. После обеда отдыхаем и шьем платье моей единственной кукле. Прибираем квартиру. Вечером я читаю вслух сказку детям, бабуся ее обстоятельно комментирует, а сама тем временем виртуозно штопает и латает одежду или выкраивает из старых вещей взрослых новую одежку для детей. Экономит каждый лоскут. Все это у нее получается очень ловко и красиво. У бабуси большое сердце, она лечится у известной в Томске народной целительницы Суворовой. Пьет отвары целебных трав.

Вскоре в Томск приезжает тетя Геня, младшая дочь бабуси, с маленькой двухгодовалой дочкой Аделаидой – Адочкой – красивой, как кукла, резвой девчушкой. Похоже, отец Адочки бросил их. Бабуся опять идет на помощь туда, где тяжелее всего. Тетя Геня поселилась в полуподвале где-то в районе площади Батенькова. Бабуся живет с нею, жалуется, что не может угнаться за шустрой девчонкой. Тетя Геня работает чертежницей в «Томлесе». Я много времени провожу с ними. Тогда и случилось первое мистическое событие в моей жизни. В один из обычных дней я вдруг не хочу уходить от бабуси и Адочки. А идти надо обязательно – в детский садик за Нэлей, это моя обязанность. Я

не хочу уходить. От безысходности я плачу. Бабуся уговаривает меня. Она бы оставила меня ночевать, уложила бы с собой в кровать, как делала это не раз. Но сегодня мне надо уйти. Со слезами я уйду. Почему это случилось со мной? Этой ночью бабуся умерла от сердечного приступа. Ей было 67 лет. Моя родная, я очень люблю тебя, и у нас с тобой одинаковые родинки под глазом. У твоих детей эти родинки тоже были, как память о тебе.

ПОЕЗДКА В МОСКВУ

1938 год. Тетя Тая предложила маме забрать меня к себе, в Москву. И маме будет легче, и для Людмилы лучше. Тетя Тая сможет обеспечить лучшие условия жизни, дать дальнейшее образование ребенку. Мама согласилась. И вот меня одну отправляют в Москву. Мама особо не беспокоится, зная мой большой опыт путешествий по железной дороге. Из Томска есть прямой вагон до Москвы. Мама просит проводника присмотреть за мной, и я отправляюсь в путь. На вокзале в Москве меня встречает тетя Тая. Я счастлива.

Семья Розиных живет на улице Серафимовича, №2, это и есть знаменитый «дом на набережной». Дом громадный. Внизу есть и кино-театр, и магазин, парикмахерская, аптека и многое другое. Квартира Розиных на седьмом этаже. Я впервые езжу на лифте. В квартире три комнаты, одна из них пустая закрыта и опечатана, так как это «лишняя жилплощадь» для семьи из трех человек. Тетя Тая надеется, что теперь, когда меня пропишут, эту комнату откроют. Окна выходят на Кремль, я вижу из окна часы на Спасской башне. В большой комнате, в центре – обеденный стол, но обедают чаще на кухне, у окна письменный стол, где занимается Борис, большой диван, где он спит. Вдоль одной из стен стоят шкафы с книгами, сделанные на заказ. Книг много, и я в восторге. Вторая комната – спальня. Две кровати, шкаф и диван, на котором буду спать я. Большая удобная кухня, ванная и туалет. Для меня это все в новинку, я привыкла к удобствам на улице.

Меня быстро определили в школу, она совсем близко. Я окунулась в новую жизнь. На завтрак всегда белый батон, масло, сыр. Я узнала, что такое шпроты, сардины, шоколадные конфеты в больших красивых коробках и многое другое в мире вкусов. Тетя Тая прекрасно готовит. Она не работает, следит за домом – везде чистота, все ухожены, прекрасно одеты. Мне тоже шьют новые платья. Обещают, что летом я обязательно поеду в Артек. Друзей у меня пока нет, и все свободное время я провожу у полка с книгами. Дядя Додя работает в издательстве «Молодая Гвардия» и, возвращаясь вечером домой,

часто приносит новые книги – прямо-таки тепленькие, только что из типографии. Иногда, как я догадываюсь, специально для меня. Запомнились их названия: «Черемыш, брат героя», «Карл Брунер» и другие на школьную тематику. А я читаю все подряд, например, «Тысяча и одна ночь». Меня не контролируют, читаю, что хочу.

Праздник, 7 ноября. Дядя Додя берет меня с собой на парад, на Красную площадь. У него пропуск на одно лицо на правительственную трибуну. Но оказывается, можно провести с собой ребенка. Прохладным утром мы с ним проходим через несколько постов милиции и оказываемся на этой трибуне. Она рядом с мавзолеем. Туда поднимаются важные персоны и сам Сталин, я его вижу довольно близко. Позже в Томске, в школе, я буду хвастаться, что я видела живого Сталина. Вместе с дядей Додей мы наблюдаем за парадом, вместе со всеми кричим «ура!». После военного парада через площадь проходят колонны демонстрантов. Сталин приветствует народ – машет поднятой рукой. Полная впечатлений, я возвращаюсь домой.

Я не знаю Москву и одна еще по улицам не хожу, гуляю только в большом дворе этого дома на набережной. Однажды тетя Тая собралась в гости к своей московской приятельнице и взяла меня с собой. По дороге мы зашли в магазин, тетя Тая стала покупать кое-какие продукты. «Зачем?» – спросила я. Тетя Тая объяснила, что, если мы хотим, чтобы в гостях нас пригласили за стол, надо принести что-нибудь съестное. Я очень удивилась, так как у нас в Сибири так не поступают. Уже будучи взрослой в Москве, я как-то попала в неприятную ситуацию такого «московского гостеприимства». Сибирское гостеприимство широкое, от души: «Все, что есть печи, на стол мечи».

7-е ноября, праздник, и вечером Борис с разрешения родителей устраивает вечеринку с одноклассниками. Родители ушли в гости, предоставив свободу молодежи. Пришло человек десять ребят и девчат. Мне кажется, крепких напитков не было, а может, просто меня не угощали. Были танцы под патефон, какие-то игры с поцелуями. Я скромно сидела в уголке, наблюдала за ними и не высовывалась. Поняла, что одна из девчонок – девушка Бориса, он звал ее Мэри. Веселились долго, потом вернулись родители. Борис пошел провожать свою Мэри. Они учились в девятом классе, а мне казались совсем взрослыми. Утром Бориса заставили чистить и натирать паркет, так как он весь был исчирикан черными полосами от обуви танцоров. Видимо, в те времена мало кто из молодежи носил обувь на кожаной подошве – в ходу была резина, так называемая «микроропа».

Борис опекает меня. Иногда водит в кино, проверяет, как я готовлю уроки и что читаю, а я не ябедничаю на него родителям. В общем, хороший брат.

Эта счастливая жизнь окончилась так же внезапно. Дядю Додю арестовали в декабре. Пришли с обыском. Как всегда, ночью. Для меня уже знакомое зрелище – как все в доме переворачивают и перетрясают.

Тетя Тая, мужественная женщина, не плачет, пытается обустроить жизнь в новом качестве. Очень быстро она организовала мое возвращение в Томск. Опять меня посадили в прямой вагон «Москва – Томск», прицепленный к поезду «Москва – Владивосток». Поездка до Томска занимает пять суток. Тетя Тая дает мне 10 рублей отдельными купюрами, чтобы в дороге я могла себе что-нибудь купить. Доехала нормально. В Томске в эти декабрьские дни стояли сильные морозы, до -40° . Я легко, не по-зимнему одета. Пока мы с мамой шли, вернее, бежали от вокзала Томск I до дома бабушки Наташи, я обморозила ноги. Помню, как их оттирали, отогревали. Больно было очень.

Вот так окончилось мое путешествие в Москву, в другую жизнь. После каникул пошла в новую, только что построенную школу № 43.

ШКОЛЫ

В школе я проучилась девять лет, за это время сменила восемь разных школ. Многовато...

Школа первая.

Школа в Оренбурге. Официальное название «Образцовая средняя школа». Красивое каменное здание, не иначе – бывшая гимназия. Там я окончила первый и второй классы. Особо ярких впечатлений о первых уроках и первой учительнице не осталось в памяти. Запомнила я только учительницу музыки. Она руководила самодеятельностью. Участвовал в этом весь класс. Учительница тратила много времени и сил, готовила со всем классом музыкальный спектакль с песнями и танцами, что-то вроде «бала цветов». Дети в соответствующих костюмах танцевали на сцене. Я не отличалась способностями ни в музыке, ни в танцах. Поэтому, наверное, я играла роль неподвижного гриба.

Людмила. Второй класс

Шляпа была большая – мама сшила. Полгода класс готовил эту постановку и успешно выступил на праздники.

Самая большая моя обида в том школьном году – «четверка» в четверти за поведение. Мама была в шоке – неужели я хулиганю в школе? С моей точки зрения это была ужасная несправедливость. На каком-то классном мероприятии на первой парте уселись три ученика, а я подседа четвертой, и вдруг – крик! – спинка у скамьи отвалилась. Разве я виновата? Во время медосмотра внезапно разбился термометр. И опять я виновата? Очень обидно было.

В наш класс с какой-то исследовательской целью часто приходили посторонние тетки. Задавали много разных вопросов детям, что-то записывали. Вывешивали на доске картинки, просили считать изображенные на них разные предметы, засекали время, включая будильник, затем меняли картинки и т.д. Позже, читая Макаренко, я узнала, что в эти годы возникло и развивалось какое-то новое направление в советской педагогике. Называлось оно, кажется, «педология» и просуществовало недолго.

В целом школа была хорошая, можно сказать, добротная. Училась я легко, так как была хорошо подготовлена. А вот кто заранее, еще до школы, обучил меня читать и писать, право не знаю. Вроде, никто этим не занимался специально, а были у меня кубики с картинками и буквами: «А – арбуз», «Б – барабан» и т. д. Вот так и выучилась. Сама.

Школа вторая.

В Томске меня записали в третий класс школы № 11, на ул. Розы Люксембург (позднее в этом здании помещалась школа рабочей молодежи).

В эту школу я ходила всего 3-4 дня. Оказалось, что там в основном учились детдомовские дети. Обстановка была своеобразная и показалась мне очень неприятной. Я заявила дома, что больше туда не пойду. Ситуацию спасла Инна Николаевна Рождественская.

Школа третья.

Инна Николаевна – дальняя родственница, родная сестра Николая Николаевича Рождественского, мужа тети Вали. Она – Учительница с большой буквы, работает в начальной школе. Одинокая, без семьи, вся ее жизнь – в школе. Это высокая, монументальная женщина, ей за сорок лет. Темные волосы уложены в высокую прическу. Темное шелковое платье, закрытое, почти до пола – фасон прошлого, XIX века. На высокой груди (похоже, она носит корсет) на цепочке висят часики. Пенсне тоже на цепочке. Инна Николаевна всегда спокойна, невозмутима. На детей никогда не кричит, не выгоняет из класса. Зlostных

нарушителей ставит у доски и дает какое-нибудь задание. Она очень строга и справедлива, как в наказаниях, так и в поощрениях. Она учительница еще дореволюционной эпохи.

Инна Николаевна живет в доме рядом с нашим флигелем. Утром я захожу к ней, и мы вместе идем в школу. Но, переступив порог класса, мы напрочь забываем наши родственные отношения. Мне кажется, она даже строже спрашивает с меня, чем с других учеников.

В этой школе я успешно окончила третий класс.

Школа четвертая.

Мы переехали к бабушке Наташе, и ходить в прежнюю школу было бы очень далеко – через весь город. Мама записала меня в школу № 15, расположенную на ул. Тверской.

Новый учебный год. Утром, торопясь на работу, мама привела меня в новую школу и оставила в коридоре. Я села на скамейку около гардероба, не зная, куда мне идти дальше. Мимо бегали дети, ходили взрослые, никто не обращал на меня внимания, а я стеснялась спросить. Прозвенел звонок, я так и сидела. Через час сердобольная уборщица отвела меня в учительскую, потом – в класс. Встретили меня смехом и дразнилками.

Учеба в этой школе не оставила приятных воспоминаний, зато очень запомнилось, что меня там остригли наголо. Впрочем, не меня одну. Проучилась я в этой школе очень недолго, полтора-два месяца, и уехала в Москву.

Школа пятая, московская.

Московская школа была очень большая, многоэтажная. Большой спортивный зал, столовая, буфет. Светлые просторные классы, широкие коридоры. Все хорошо, но все же школа работала в две смены. Было много параллельных классов – а, б, в, г. Я, кстати, училась во вторую смену. В классе я была новенькой и еще не успела завести друзей, но тут как раз появился еще один новенький мальчик, и его посадили за одну парту со мной. Вот с ним у нас и завязалась дружба, жаль только, что она не успела окрепнуть.

В этой школе я особо не блистала, училась на «3» и «4». Слишком много было новых впечатлений, новых книг, не оставалось времени делать уроки, да в прежних школах я и не привыкла их делать. Раньше я вообще уроки дома не делала – все заучивалось само собой на уроках. В московской школе надо было больше заниматься дома. Со временем я бы нашла правильный режим учебы, но этого времени мне не дали, я не закончила даже вторую четверть.

Когда дядю Додю арестовали и меня отправили обратно в Томск,

тетя Тая предложила мне взять любые книги из их домашней библиотеки. Я взяла штук пять, но выбор был неудачный, детский.

Школа шестая.

Я снова в Томске. После зимних каникул пошла в новую школу, № 43. Эта школа была только что построена и начала работать с осени 1939 года. Она и сейчас еще работает. В четвертом классе этой школы я приобрела большую популярность. Никогда больше и нигде я не пользовалась таким авторитетом, честное слово! Я рассказывала ребятам о Москве, о параде на Красной площади, о том, что видела «живого Сталина». Меня и учительница слушала тоже. Я рассказывала о городах, мимо которых ехала в Москву. Например, в учебнике написано о Шатурской электростанции, ее только что построили, а я говорю: «Я ее видела, мимо проезжали, огней много». Или учим по географии «река Волга», а я тут как тут, делюсь своими впечатлениями о ней.

Четвертый класс в этой школе я окончила круглой отличницей. Это тоже был исключительный случай в моей биографии.

Школа седьмая.

Это школа № 24. Я с большой любовью вспоминаю о ней. Но сначала о другом.

Летом мама близко познакомилась с Николаем Константиновичем Ивановым, у них сложились определенные отношения. Николай Константинович родился в Томске, в семье врача. Жили они до революции в двухэтажном доме в центре города, на первом этаже располагалась принадлежавшая Ивановым больница с единственным в Томске рентгенологическим кабинетом (сейчас в этом доме на ул. Гагарина находится поликлиника № 2). Николай Константинович закончил Томский технологический (политехнический) институт, был инженером. Работал на Урале, на заводе «Уралмаш», там и был арестован. Но ему повезло – сидел недолго, выпустили. Когда вернулся в Томск, его родные – вся династия врачей Ивановых – уже переселились в Новосибирск.

Николай Константинович был человеком культурным, тихим, непьющим и очень интеллигентным. Не знаю, из каких соображений мама его выбрала, наверное, уж очень плохо нам жилось в то время. Чтобы познакомить меня с Николаем Константиновичем, они решили поехать вместе за город, на прогулку. Это было удачное решение, а Николай Константинович показал себя с лучшей стороны. Затем была совместно снята приличная квартира.

Я никогда не осознавала присутствие Николая Константиновича

**Николай Константинович
Иванов. 1940 год**

еще можно. В доме две хозяйки, одна из них уже очень стара. Хозяйки – дамы прошлого, XIX века. Комнаты, которые они занимают, заполнены старинными вещами, старой мебелью, давно вышедшей из моды одеждой. Лежат кипы старых журналов, альбомов с фотографиями и открытками с видами Парижа и швейцарских курортов. Мне разрешали их смотреть. Нам отвели два помещения – бывшую кухню и комнату для прислуги. Было достаточно просторно по сравнению с предыдущим жильем. В саду можно играть. Нэля подросла. Ее любимое высказы-

**Павла Георгиевна
Бейнарович**

в нашей семье как «он мамин муж» или, тем более «он наш отчим». Скорее воспринимала его как хорошего соседа. Он так и прожил долгие годы с нами, рядом. Человек он был неплохой, искренне заботился о нас. Но больше всего я ему благодарна за помощь в более поздние годы, когда родилась моя дочь.

Улица Белозерская, 30 (сейчас там находится похоронное бюро). Большая территория, огороженная добротным забором – то, что раньше было чьей-то усадьбой. За забором – бывший сад, не фруктовый, а предназначенный для прогулок. Во дворе большой каретный сарай и конюшня. Помещения пустуют. Дом, конечно, обветшалый, но ничего – жить

еще можно. В доме две хозяйки, одна из них уже очень стара. Хозяйки – дамы прошлого, XIX века. Комнаты, которые они занимают, заполнены старинными вещами, старой мебелью, давно вышедшей из моды одеждой. Лежат кипы старых журналов, альбомов с фотографиями и открытками с видами Парижа и швейцарских курортов. Мне разрешали их смотреть. Нам отвели два помещения – бывшую кухню и комнату для прислуги. Было достаточно просторно по сравнению с предыдущим жильем. В саду можно играть. Нэля подросла. Ее любимое высказывание, ставшее присказкой в нашей семье: «Возьму сранишку и пойду гулять на улицу» (имелся в виду игрушечный резиновый слоник).

О чем говорят вокруг? О войне – идет русско-финская война, которую мы проиграли.

Учусь в пятом классе. Самая хорошая учительница – по математике, Антонина Петровна, она же наш классный руководитель. Заботливая и справедливая. Водит нас на экскурсии и даже организует прогулки в выходные дни. Интересно рассказывает о городе Томске. В классе ребята хорошие, дружные. В школе работает много разных кружков, но я в них не хожу – некогда. Я впервые записалась

в школьную библиотеку и подружилась с библиотекаршей. Странная она все же была женщина. Она давала мне читать книги явно не для моего возраста. Я сама это чувствовала в глубине души. С ее подачи я прочитала «Обрыв» Гончарова, читала Л. Толстого, Горького, Куприна и в то же время любимых моих писателей – Жюль Верна, Майн Рида и т.д. Читала много, дома не интересовались, что я читаю. Успешно окончила пятый класс, у нас даже было два экзамена.

Летом каникулы. На три недели я уехала в Мариинск, жила в семье дяди Шуры Абрамова, у доброй бабушки Ненилы.

У дяди Шуры и тети Маруси растут три дочери – Тая, Надя и Люба. С Таей, моей сверстницей, мы дружим. Больше всего запомнилось, как мы ходили заготавливать березовые веники на зиму для парной бани.

В Мариинске оказалось много родственников, но я в них не могла разобраться – кто есть кто. А семья Абрамовых вскоре переехала в Томск.

Моя двоюродная сестра Тая в юности заболела туберкулезом. Упорно лечилась. Конечно, семья их жила трудно, а военные годы многим детям подорвали здоровье. Но все же Тая стала поправляться. Окончила медицинский институт в Томске, вышла замуж, жила с мужем, военным инженером Масловым, в Москве. Когда забеременела, врачи поставили ее перед выбором: аборт или вынашивание ребенка, но это снова подорвет ее здоровье. Она родила крепкого, здорового мальчишку. Однако врачи оказались правы. Несколько лет Тая еще боролась за жизнь. Умерла она в московской больнице на руках своей мамы, тети Маруси. В полном сознании она отодвинула ото рта дыхательную трубку. Муж вскоре женился, сын вырос, все хорошо, только ее больше нет с нами.

С Таей я дружила до конца ее дней. Она умерла совсем молодой. Печально сложилась и судьба ее сестер.

И опять – переезд на новую квартиру. И опять новая школа.

Школа восьмая и последняя.

Мы живем на улице Красноармейской, снимаем квартиру в частном доме, у семьи Далецких. Они недавно перебрались в город из

**Таисия Александровна
Маслова (Абрамова)
с сыном Мишей**

деревни Дубровки, построили дом, есть небольшой огород. Петр Далецкий работает штукатуром-маляром, хороший мастер. Тетя Маруся Далецкая – дома с детьми, их двое – Нина и Гена. У нас одна небольшая комната, кухней пользуемся вместе с хозяевами. Мы прожили у них долго, отношения сложились очень хорошие, дружеские. Я даже ездила летом погостить к их родителям в деревню, собирала ягоды, привезла домой целую корзинку черники. Мне подарили живую курицу, она долго у нас жила и даже вывела цыплят. Я ее любила и хорошо ухаживала за нею. Курица жила в сарае и гуляла во дворе вместе с хозяйскими курами.

Я хожу в школу № 12 в Юрточном переулке (она и сейчас работает). В шестом классе я влюблена в нашу учительницу зоологии Тамару Николаевну Водопьянову. Она вскоре становится директором школы. Тамара Николаевна организовала в школе прекрасный живой уголок. Он занимает целую классную комнату. Там живут мыши, крыса, кролики, белка, ежик, ящерицы, черепаха, разные птицы и рыбы в аквариумах. Члены кружка, юные натуралисты, ухаживают за зверями, кормят их, чистят клетки. Я в их числе. В школе мне интересно.

Наступил 1941 год, и летом началась война. Вначале все были уверены, что она быстро кончится, но обернулось иначе. Здание нашей школы забрали под госпиталь. 1 сентября нас отправили в новое помещение – здание, расположенное на пр. Фрунзе. Но пробыли мы там недолго, его тоже забрали для каких-то военных нужд. Школьников распустили. И вдруг распространили слух, что школу вообще закрыли. Мама хотела пристроить меня к тете Гене учиться на чертежницу, но мы с подругой решили идти устраиваться на работу. Куда? Конечно, на кондитерскую фабрику. Пришли, но на работу нас не взяли. Мне тринадцать лет, берут только с шестнадцати. Впрочем слух о закрытии школы оказался ложным. Через несколько дней для нашей школы нашли помещение. Это здание бывшего техникума на углу улицы Равенства (Гагарина) и переулка Нахановича, точнее – на задах кинотеатра им. Горького. Здание хорошее, но тесновато. Школа работает в три смены. Мы, семиклассники, как старшие начинаем занятия с шести часов вечера. Уроки часто срываются, так как отключают электричество. Иногда мы и сами устраиваем короткое замыкание – засовываем иголку в провода – и всем классом сбегает смотреть новый фильм: кинотеатр-то совсем рядом! Билеты в кино совсем не дорогие: на утренние сеансы 20 копеек, на вечерние 40-50 копеек.

В классах много детей из эвакуированных семей, живем все дружно. Есть и новые учителя. В старших классах введен новый предмет – военное дело. Наш военрук – молодая девушка-лейтенант, Валентина, обращаться к ней положено «товарищ военрук». Мы отрабатываем

строевую подготовку, изучаем воинские уставы, работаем с противоголоном, учимся собирать и разбирать винтовку и стреляем по мишеням. Все серьезно. Каждый день обязательно слушаем сводки по радио о положении дел на фронте.

На меня, да и на весь класс, большое впечатление произвела одна беседа. В школу пришел военный из госпиталя, выздоравливающий после ранения. Его рассказ о войне, рассказ очевидца, был потрясающим. Простыми словами, очень доходчиво он сумел рассказать нам, детям, об ужасах войны, о гибели тысяч людей, о тяжелом положении нашей армии, о небывалых зверствах фашистов на оставленных территориях. Многие ребята сидели за партами и тихо плакали, я тоже. После этого рассказа я начала иначе воспринимать сводки информбюро и вообще иначе смотреть на мир.

В класс пришли вербовать учащихся в ремесленные училища. Там давали обмундирование, кормили в столовой, а через год ученик получал рабочую профессию. Некоторые школьники ушли, в том числе моя подруга Ляля Арсентьева – тихая, болезненная девочка, книголюб, как и я. Жила она очень бедно с мамой и младшим братом. Отец был арестован. Мы с Лялей читали очень много художественной литературы, даже на переменах и на уроках. Читали все подряд, что удавалось достать, – от Лидии Чарской до Льва Толстого, Достоевского и Мопассана. Моим любимым писателем в то время был Джек Лондон. Кем я хотела стать? Моя неизбывная мечта – капитан дальнего плавания. Вот так-то.

Я окончила седьмой класс и летом устроилась на работу в подсобное хозяйство треста столовых. Это начало моего трудового стажа. Сельхозугодья начинались сразу за городской окраиной. Одно время этот район, расположенный в конце улицы Алтайской и проспекта Фрунзе, неофициально назывался «Опытное поле», сейчас все эти земли давно застроены. Нашу бригаду школьников называли «малолетки» и загружали работой по прополке овощей, а затем поручили сбор ягоды, главным образом – малины. В обеденный перерыв мы, каждый со своей миской, шли к кухне на обед. Обед состоял из одного блюда, чаще – овощного супа. Большой удачей было, когда давали суп с галушками. На этой работе я получила свою первую зарплату – 14 рублей. Отдала все маме.

Новый учебный год, восьмой класс. Нэля идет в первый, в ту же 12-ю школу. Дома много говорят, что у Нэли хороший музыкальный слух, и я, даже не предупредив маму, решаю самостоятельно записать сестру в музыкальную школу. Привела на собеседование и предварительное испытание способностей. Нэля его успешно прошла, и ее зачислили в школу по классу фортепиано. Мама только ахнула, узнав

об этом. Учеба бесплатная, но где же готовиться к занятиям – инструмента у нас, естественно, нет. Я ищу выход: можно в школе, там стоит раздолбанное пианино, и можно у Изотовых – это семья моей подруги (наверное, это им не очень было по душе). Уроки музыки проходили прямо на квартире Нэлиной учительницы. Это была замечательная женщина, жаль, я забыла ее фамилию. Она позволяла Нэле заниматься на ее инструменте. Но все же это было неудобно. Нэля проучилась в музыкальной школе только год, на этом ее музыкальное образование закончилось. А жаль, способности у нее были.

Нэля школьница

Восьмой класс. В школе нет преподавателя физики, поэтому в 8-м и 9-м классах мы физику вообще не изучали. Позже мне это аукнулось. Моя хорошая подруга – Люба Изотова. Ее мама, Анна Степановна, инспектор гороно, отец на фронте. Старшая сестра Людмила – студентка мединститута. Это она, годы спустя, работала врачом в клиниках мединститута и помогла спасти мою дочь от дистрофии. Ее судьба сложилась трагично. Родила ребенка без мужа, покончила с собой – повесилась в сарае собственного дома. Средняя сестра, Любовь, моя закадычная подружка. Младшая, Регина, училась с Нэлей в одном классе. Жили они немного получше нас, и Анна Степановна часто меня немного подкармливала, спасибо ей.

**Люба Изотова,
школьная подруга**

После окончания восьмого класса меня «по благу», как тогда говорили, определили на работу в санаторий для ослабленных детей, а проще сказать – в летний детский лагерь (тогда все дети были слабенькие). Этот лагерь был на Басандайке. Я работала то ли уборщицей, то ли няней, скорее, и то, и другое. Мыла полы в палатах, следила за постельным бельем, когда надо вывешивала сушить матрасы. Ночью я спала вместе с детьми в палате и, если кто плакал, старалась успокоить. Дети были не на много младше меня. Конечно, работа

была хорошая, провела я все лето на свежем воздухе, и кормили два раза в день, но зарплату не платили.

Девятый класс. Госпиталь уехал, и школе № 12 вернули прежнее здание. Когда мы, старшие, пришли туда, увидели груды оставленного мусора. Особенно страшно выглядели гипсовые слепки, снятые с ног и других частей тела. Все убрали, вычистили и были очень рады снова оказаться в своей школе.

Нам предлагают по желанию посещать курсы стенографии после уроков. Человек пятнадцать девчонок и я в том числе стали изучать стенографию. Вот тогда у меня окончательно испортился почерк. Занятия вел симпатичный старичок. Потом, уже в принудительном порядке, отобрали группу девчат и отправили их на курсы радистов, но вскоре вернули – война подходила к концу.

Я много времени провожу с подругой Любой. В меня, похоже, влюбился мальчик Лева Прегер. Он сидит за партой позади меня, оказывает какие-то знаки внимания. Но я этого не замечаю. Об его отношении ко мне я догадалась много позже. Я не отличница и не зубрилка. Учусь вполне прилично, особо не напрягаясь. С Любой обдумываем, куда пойдем учиться дальше, кем быть? Выбор такой: мединститут, институт селекции в г. Мичуринске (туда мы даже послали письмо), биологический факультет ТГУ. От мединститута нас отговорила Люда Изотова, которая там училась. Заглянув в ее учебники и атласы, мы с ней согласились. Ехать в Мичуринск стало страшновато, и денег нет. Остался биофак.

Заканчивается учебный год в девятом классе. В мае в наш класс неожиданно приходят представители университета и предлагают следующее:

- освоить программу за 10-й класс в течение трех летних месяцев, занятия будут вести преподаватели университета;
- осенью сдать выпускные экзамены, которые одновременно зачтутся как вступительные экзамены в университет;
- поступить в университет на любой факультет уже в этом году.

Видно, туго было с набором абитуриентов в 1944-м году. Весь класс согласился на это предложение. Родители тоже не возражали. Летом работали много – занятия по восемь часов в день, лекции, семинары – не очень привычно для школьников. Но справились. И экзамены сдали успешно, без всяких поблажек, кроме одного. Экзамен по физике. Я стою у доски в полной растерянности, не понимаю даже заданных мне вопросов. Ведь в 12-й школе два с половиной года вообще не преподавали физику. Получаю «двойку». Люба вслед за мной и еще несколько человек тоже заваливают. Переживали ужасно. Но на следующий день А.С. Изотова, мать Любы и работник горно, разрулила эту ситуацию,

доказала, что «двойки» – не наша вина. И нам в аттестатах выставили по физике «3».

Итак, школа окончена. Начинается студенческая жизнь.

ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Томск в глубоком тылу. В город эвакуировано много заводов, научных учреждений, институтов, замечательный театральный коллектив из Минска... Население сильно возросло. Провели так называемое «уплотнение». В квартиры без согласия жильцов подсаляли эвакуированных. И люди не роптали, относились с пониманием, «уплотнялись».

Электроэнергии не хватало. В жилых домах электропроводку обрезают. В школах, больницах, институтах и на других важных объектах ввели лимит на электроэнергию, строго проверяли, не допуская перерасхода. А мы пользовались для освещения коптилками. Коптилка – это небольшая бутылочка с керосином, в ее горлышко вставлена железная трубочка, через которую пропущен ватный фитиль. Горит тускло, копоти много, но расход керосина очень небольшой. С такой коптилкой я забиралась на русскую печь на кухне Далецких и читала. Мама беспокоилась: «Погубишь глаза», но я не могла отказаться от чтения книг. Интересное наблюдение: на кирпичях русской печи лежать очень уютно и почему-то совсем не жестко.

Введена карточная система на хлеб и другие продукты. Норма для рабочего 500-600 граммов хлеба, служащего – 400 граммов, иждивенца (то есть, для тех, кто не работает – старики, инвалиды, дети) – тоже 400 граммов. Донорам, которые сдают кровь, каждые полтора месяца выдают 500 граммов. Мама много лет была донором. Продуктовая карточка содержит талоны на сахар (400 г), растительное масло (400-500 г) и мясо-рыба, но мяса не было никогда, только рыбка вяленая 800 г под названием «карие глазки». Продуктовые карточки выдавались по месту работы ежемесячно. Их очень берегли, если потеряешь – беда! Одинокая старушка, соседка, потеряла карточки. Умерла.

У меня однажды в Университетской роще украли портфель, там были зачетная книжка, студенческий билет и только что полученные продуктовые карточки. Документы вор подбросил, их мне вернули, а вот карточки, увы, пропали. Пришлось нашей семье кормить меня целый месяц вскладчину.

Ворованные карточки можно было купить на базаре. Там продавали и хлеб, украденный грузчиками на хлебозаводе. Кирпич хлеба всегда был разрезан вдоль – так легче было спрятать под одеждой.

Полкирпича хлеба на базаре стоило 400 рублей. Это при маминой зарплате 260 рублей и моей стипендии 140 рублей было совершенно недоступно.

В городе не было ни эпидемий, ни массовых заболеваний. Бани работают исправно. На вокзале санпропускник для всех приезжих. В школах и на всех предприятиях периодически проводятся медосмотры. Есть пункты дезинфекции. В городе нет бандитизма, только мелкие воришки промышляют по карманам. Городского транспорта практически нет, ходили пешком. Большинство магазинов закрылось, торговать нечем. Я сейчас даже не припомню, что же было на полках в оставшихся магазинах. Да, вот, были бумажные пакеты с зубным порошком. По просьбе дяди Доди мама отправляла ему посылки с этим порошком в лагерь под Канском, где он отбывл срок, он там на что-то его обменивал. В начале войны было в продаже много крабовых консервов – все полки были плотно ими забиты. Значительно позже из газетной статьи мы узнали, в чем причина этого изобилия. Оказывается, с Дальнего Востока в центральные районы страны была отправлена большая партия крабовых консервов. Начало войны как раз застало товарный состав на станции Тайга, где он и застрял. Когда потребовались вагоны, консервы выгрузили и развезли по ближайшим населенным пунктам для продажи. Большая часть их попала в Томск. Но вскоре «крабовое изобилие» окончилось – раскупили все.

Мама перешла на работу в транспортную контору «Томторга» – тоже кассиром, в бухгалтерию.

Подписка на газеты и журналы была лимитирована. Зато практически в каждом доме было радио. Висели такие черные тарелки-репродукторы. Их не выключали. Вещание начиналось в 6 часов утра – сигнал, что пора вставать. Весь день слушали сводки «Совинформбюро», также передавали репортажи военных корреспондентов, сведения о трудовых подвигах в тылу, музыку, военные песни и т.д. Указы правительства и важные сообщения, например, о наступлении наших войск, о взятии городов и населенных пунктов обязательно читал Левитан. В городе, особенно в центре, было установлено несколько громкоговорителей. Когда читал Левитан, перед ними останавливались люди. На стендах были развешаны карты, на которых указывалась линия фронта.

Плохо было с одеждой. К этому времени я выросла и очень обносились. Купить одежду и обувь было негде и не по карману. На покупку одежды и других необходимых вещей выдавали специальные ордера, но очень редко, по особому случаю – в виде премии или к празднику. Я такой ордер получила всего один раз, в профкоме ТГУ. На него дали четыре метра бязи грязновато-желтого цвета. Мама и этому была

рада. Большинство людей были обуты в так называемые «стеженки» – что-то вроде матерчатых сапог, стеганных на вате. Чтобы ходить по улице, на них сверху надевали глубокие галоши – чуни, их можно было купить на заводе резиновой обуви. Зимой все носили стеганные телогрейки. Платье у меня было одно – коричневое, бумазейное, сшитое мамой. Очень страшное.

В магазин, выкупать хлеб, ходила я. Продавец вырезала талончик из карточки и наклеивала его на большой лист для отчета. Взвешивала хлеб. Иногда добавляла небольшой кусочек – довесок. Этот кусочек мне разрешалось съесть по дороге домой. Мама, получив хлеб на всю семью, аккуратно делила его на равные части. Каждый, получив свою пайку, был волен съесть все сразу (а очень хотелось!) или растянуть на весь день.

Если надо было что-нибудь продать, на базар отправляли меня. Например, у тети Гени сохранилась пачка «химических» карандашей. Знаете, что это такое? Химический карандаш – это прародитель шариковой ручки с грифелем из сухих чернил. На влажной бумаге он оставлял чернильный след, и им разрешалось подписывать документы, так как он не стирался резинкой. Продавала я эти карандаши по 30 рублей за штуку. Продавала и старые вещи – надо было как-то выживать. На базаре милиция постоянно отлавливала спекулянтов и продавцов краденого, но часто хватали всех подряд, поэтому ребенку торговать там было безопаснее.

Все время хотелось есть, к этому невозможно было привыкнуть. Иногда пишут так: «полуголодное детство», но у нас с Нэлей было голодное детство.

Нэлю по заключению врача определили в группу ослабленных детей. Теперь я водила ее в спецстоловую, где по талонам ей давали допитание. Это были тарелка каши, стакан сладкого чая и 50 граммов хлеба. Всем школьникам тоже давали дополнительно 50 граммов хлеба. На перемене дежурный на специальном подносе приносил нарезанный на кусочки хлеб.

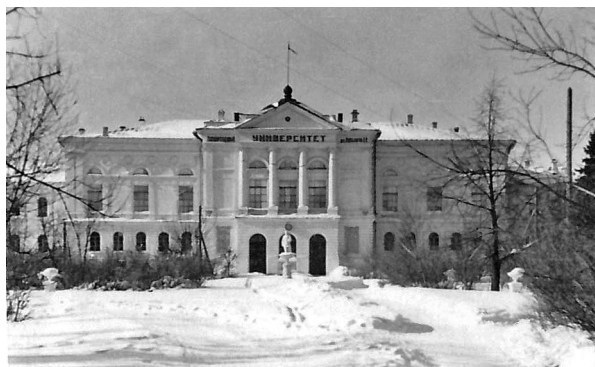
Основным продуктом питания была картошка, и поэтому голодных смертей не было. Картошку каждая семья выращивала самостоятельно. Надел земли за городом выдавали по месту работы. Земля была распахана. Я вместе с мамой сажала, окучивала и копала картошку все военные и послевоенные годы. И до сих пор отношусь к картошке с большим почтением. Труднее всего было доставить урожай домой. У соседей брали двухколесную тележку, грузили на нее весь урожай – 4-5 мешков картофеля и везли до дома несколько километров. Один тянет за оглобли, другой толкает сзади. Однажды был такой случай. Маме на работе дали лошадь по кличке Рыбак. Управлять лошадью

мы с ней, конечно, не умели, но все-таки доехали до поля, погрузили мешки, а Рыбак категорически отказался везти картошку, как мы его ни понукали, как ни уговаривали. Пришлось мне всю дорогу идти впереди и подманивать лошадь охапкой травы. Так и добрались до дома.

В какой-то год мама раздобыла семена и засеяла небольшой клочок земли просом. Выросло. Я его сжала серпом, потом его обмолотили и обрушили. Получилось несколько килограммов пшена. Варили кашу, вот счастье-то было! В праздничные дни, например, на 7 ноября, главным блюдом на столе был винегрет – самое доступное угощение.

И все же очень угнетало постоянное чувство голода. Есть хотелось все время, и днем, и ночью. Об этом нельзя было забыть ни в кино, ни на уроках, ни во сне. Вот один эпизод. В школе организовали для старшеклассников курсы стенографии. Я их посещала. Занятия вел пожилой очень благообразный старичок. Однажды я что-то забыла в классе и вернулась. Наш преподаватель собирал и ел крошки хлеба со школьного подноса. Увидев меня, смутился ужасно.

ТГУ – «ALMA MATER»

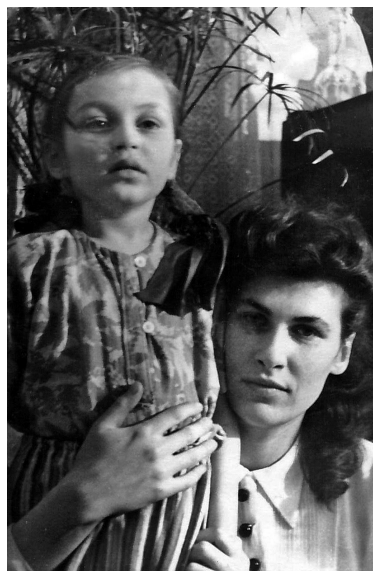

Оккупанты изгнаны, наша земля освобождена. Бывшие эвакуированные уезжают из Томска, возвращаются в родные края. В городе освобождается жилплощадь. И вот наконец-то маме дают «казенную» квартиру от управления «Томторга» в двухэтажном деревянном доме по улице Советской, 14. Квартира хорошая, двухкомнатная, на втором этаже. Отопление печное, водопровода нет. Но это нормальное явление для большинства домов в Томске. С двенадцати лет я ношу воду в ведрах на коромысле с водоразборных колонок. Такие колонки имеются почти в каждом квартале. Уголь и дрова на зиму можно купить в организации, называющейся «Гортоп». Их привозят и высыпают кучей во дворе, 3-4 тонны, на всю зиму. Затем в течение нескольких дней мы

ведрами перетаскиваем уголь в сарай. Еще в сарае я держала нескольких кроликов, но недолго.

Квартплата незначительная – несколько рублей в месяц. Соседи люди хорошие, живем дружно. В этой квартире мы обосновались надолго и прожили там 16 лет, до 1960 года. В этом доме в 1950 году родилась моя дочь Наташа. И вот теперь она отредактировала эти заметки и сверстала их в книгу.

Итак, в 1944 году я поступила в университет. Мне 16 лет. Помню первую лекцию. В аудитории весь первый курс биофака – 90 человек, все девчонки и только один парень. Лекцию читал Борис Петрович Токин, профессор из Ленинградского университета. Замечательный ученый, открывший и впервые изучивший фитонциды. Это был высокий, элегантный мужчина средних лет с красивым голосом и выразительными жестами. Лекции он читал с воодушевлением, артистично и замечательно интересно. Главный корпус университета, где проходили наши занятия, был неухожен – оттуда только что съехало какое-то военное производство. Полы были выщерблены, стены ободраны. Но нас это не смущало, мы были горды тем, что учимся в университете.

**Наташа с мамой
в доме на ул. Советской**

**Дом по ул. Советской, 14,
где долго жила наша семья**

В ноябре из числа первокурсников была собрана бригада из 20-и человек и отправлена на лесозаготовки, вернее – на заготовку дров. Разумеется, я оказалась в ее составе. Вместе со студентами геологического факультета нас увезли далеко в тайгу. Расселили по избам деревни, названия которой уже не помню. Утром мы уходили в лес и работали весь световой день. Бревна были уже заготовлены и сложены, наша задача – доставить их к дороге и погрузить на машину. Два человека, то есть две девчонки, берут бревно на плечи и по глубокому снегу тащат его по бездорожью. Правда, это не строевой лес – дрова, так что бревна все же

унести можно. Я девица очень высокая, выше всех в бригаде, поэтому мне в пару подобрали геологиню, такую же «каланчу». Перерыва на обед нет, часов в пять дня уже темнеет. Возвращаемся в деревню, обедаем-ужинаем за один раз – и спать. Так отработали три недели. Все живы, здоровы вернулись.

Первая экзаменационная сессия для меня прошла успешно. Во втором полугодии некоторых уже отчислили.

Весна, 1945-й год – Победа! Конец войне! Плакали и смеялись от счастья. Народ вышел на улицу. Гуляли всю ночь.

Только начались каникулы, вызывают в деканат. В университете ремонт, нужна известь, надо ехать в верховья Томи, где есть запасы известняка. Опять формируется бригада грузчиков, снова я в ее составе. Получаю паек, второпях собираюсь и бегу на пристань, но опаздываю. Вместе со мною опоздали еще три девушки. Баржа, на которой мы должны были плыть, уже отошла от берега. Но... нам крупно везет, нас сажают на катер, который будет тянуть эту баржу. В результате

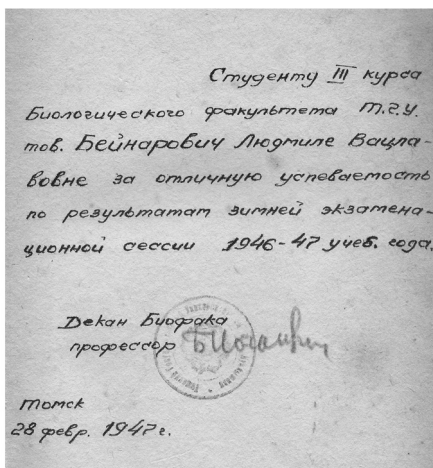

1946 год. 2-й курс биологического факультета ТГУ, группа 58.
Верхний ряд, слева направо: Галкина Людья, Изотова Люба, Марценюк Катя, Ткачева Фая, Горбунова Зоя, Мирошникова Маша, Мордвинова Валя. Средний ряд, слева направо: Жухренко Маша, Бейнарович Мила, Савельева Клава, Тарасова Таня, Докучаева Валя, Чернова Таня. Нижний ряд, слева направо: Андриевская Аня, Шелгачева Стеша, Ивлева Надя, Скитович Поля.

мы путешествуем в замечательных условиях: чистая, удобная каюта, прекрасная погода. Мы загораем, любимся красивыми берегами, варим на камбузе кашу и так плывем целых три дня. Остальные, человек двадцать, на грязной барже следуют за нами на буксире. Приплыли. На берегу горы жженой извести. В нашем распоряжении только лопаты, носилки и тачки. Никакой техники и в помине нет. На баржу перекинули трап – и погрузка началась. Самое неприятное – это известковая пыль, она раздражает и разъедает влажную кожу, ест глаза, заклепывает волосы и затрудняет дыхание. Жарко, но голову приходится заматывать платком, одежду плотно застегивать и завязывать. Погрузка длится несколько дней, затем отплываем обратно. Мы снова – ура! – на катере с согласия его команды.

Второй курс я закончила хорошо, даже с отличием. Декан факультета Бодо Германович Иоганзен на собрании курса поздравил нас, отличников, подарил книги «Основы дарвинизма» и вручил выписку из приказа с печатью.

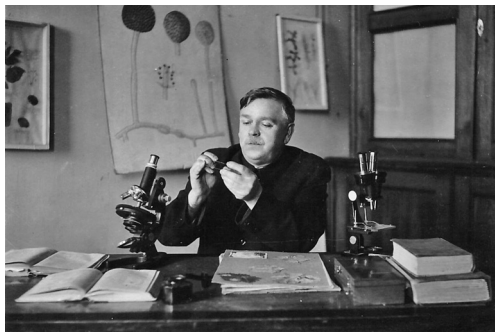
После второго курса выездная практика еще не положена, но поступил запрос из Хабаровска, и желающим предложили поехать. Мы – я, Люба Изотова и Вера Крестовоздвиженская (она на курс старше) согласились. Работать будем на границе, нам выписали специальные пропуска. В Тайге попасть на поезд не удалось – не было билетов. Мы, храбрые девчонки, сели в товарняк, в котором ехали демобилизованные солдаты. Таких поездов было много, они назывались тогда «500-веселые». Составы шли вне расписания, часами стояли на перегонах или наоборот – проскакивали большие станции без остановок. В вагоне-теплушке, где мы ехали, сооружены нары. Нам выделили уголок. Нет, нас не обижали. Ехали весело, пели песни. Солдаты кормили нас, так как на станциях были оборудованы для них пункты горячего питания, а в дорогу им давали большие сухие пайки. Ехали долго, постепенно народу в вагоне становилось все меньше. На Дальний Восток с нами приехали только два солдата. Один из них, кстати, предложил Любе выйти за него замуж, но она отказала. Итак, мы в Хабаровске, нас оформляют на работу инспекторами карантинной службы и отправляют в Благовещенск. Там выдают инструкции и уже

по одиночке мы отправляемся в пограничные районы. Работа у меня такая: приезжаю в пограничный колхоз или совхоз, агроном отводит на поля, расположенные в пограничной зоне. В основном тут растут пшеница, овес, соя и другие сельскохозяйственные культуры. Я обследую посевы, прохожу поле по диагонали и подсчитываю степень поражения растений грибковыми и вирусными заболеваниями. Вычисляю процент зараженности и составляю акт. Вечером все акты подписываю у председателя. Попутно еще проверяю санитарное состояние амбаров-зернохранилищ. В каждом хозяйстве задерживаюсь на 2-3 дня. Объехав весь район, возвращаюсь с кипой актов в Благовещенск, в отдел карантинной службы, оттуда еду в следующий район и т.д. И так все лето в разъездах. В деревнях живу у крестьян, они и кормят. Люди приветливые, в большинстве – давние переселенцы с Украины, сохранившие свой язык и обычаи. Живут довольно зажиточно, богаче, чем сибиряки.

Отработали три месяца, пора домой. Из Благовещенска добрались до узловой станции, через которую идут поезда дальнего следования. Билетов опять нет. Ночью пытаемся сесть на поезд без билетов. Меня задерживает милиция, отводят в отделение. Утром допрос. Документы в порядке, но милиционеров настораживает мой багаж – кроме чемодана у меня через плечо висит большая папка с гербарием, его надо было собрать для курсовой работы. Заставили показать. Я спрашиваю: «Что вы ищете»? Отвечают: «Лавровый лист»! Оказывается, на Дальнем Востоке есть дикорастущий лавр, и так называемые «спекулянты» его заготавливают, сушат, фасуют в пакетики по 4-5 листочков и везут продавать, а это запрещено законом. Меня все же отпустили. Сокурсники уехали, я осталась одна.

На следующую ночь снова пытаюсь сесть в поезд. Он стоит две три минуты. Бегу вдоль состава, все вагоны закрыты. Я забираюсь на межвагонную площадку, которая соединяет тамбуры. Поехали. Темно, страшно. Колеса стучат совсем близко, буфера громыхают. Если задремлешь, обязательно свалишься под колеса. Ехала так до рассвета. На остановке тамбур открыли, я пробралась в вагон, залезла на третью багажную полку и наконец-то заснула – ведь не спала двое суток. Потом на какой-то большой станции удалось купить билет, и я благополучно доехала до дома.

Профессор Николай Николаевич Лавров

Апрель 1947 года, 3-й курс биофака ТГУ. Студенты кафедры защиты растений. Стоят, слева направо: Углева Люба, Изотова Люба, Казанцева Люба, Ткачева Фая, Миловидова Ляля. Сидят, слева направо: Кровикова Наташа, Чурикова Лариса Эсперовна (ассистент кафедры), Бейнарович Мила.

В Томске открыли первый коммерческий магазин в Верхнем гастрономе. После лекций всей группой пошли посмотреть. Смотреть есть на что. Цены заоблачные. Люди ходят, глазеют. Покупают немногие, а если покупают, то по 100-200 грамм. Я тоже не выдержала – купила 200 грамм конфет на всю стипендию. Потом каждый год, 1 апреля, коммерческие цены снижали на 10-20%.

Третий курс. Пора определяться с выбором узкой специализации. На втором курсе лекции по низшим растениям читал профессор Н.Н. Лавров. Читал интересно, и восемь человек из нашего потока, я в том числе, решили пойти к нему на кафедру – работать в области защиты растений.

Без особых приключений окончила третий курс. Теперь уже обязательная летняя практика. У меня образовались какие-то шишки возле уха и на шее. Пошла к врачу. Диагноз неутешительный: туберкулез лимфатических узлов. Мама плачет.

С нашей кафедры приглашают студента-практиканта в Одессу, в институт виноградарства и виноделия. Я, конечно, с радостью соглашаюсь. Вдвоем, вместе с Верой Монич, которая занимается энтомологией, собираемся в дорогу. В университете нам почему-то не выдали командировочные и деньги на билеты. Мы решили, что все получим осенью. Купили билеты за свой счет. Приехали в Одессу. В десяти ки-

лометрах от города находится поселок Люсдорф, а рядом с ним, на берегу лимана – территория Одесского института виноградарства. Лиман длинный, узкий и очень мелкий. Мы сразу побежали купаться. Воды по колено, она почти горячая, в ней плавают масса всевозможных личинок и водорослей. Вода крепкосоленая. Все равно искупались и купались каждый вечер к удивлению местных жителей, которые купаться ездили на море.

Нас поселили в глинобитной мазанке на краю поселка. Стены из глины, пол глиняный, крыша камышовая. Много блох скачет, но не жарко. Определили на работу в отдел защиты растений. Почему-то начальника отдела мы видели только один раз, а потом его все лето не было. Заправляла делами лаборантка, которая заставляла нас мыть окна, полировать мебель и т.п. В итоге наша научная работа свелась к нулю. Мы все же обследовали плантации виноградников, определяли уровень зараженности разных сортов болезнями и вредителями, вычисляли степень устойчивости сортов, влияние химической обработки посадок. Наша зарплата – 300 рублей. В институте работает коммерческая столовая. Две замечательные повара ездят на Привоз, покупают продукты и готовят очень вкусные обеды. Этой столовой пользуются почти все сотрудники института, стоимость – 300 рублей в месяц. Итак, раз в день мы съедаем прекрасный обед, состоящий из одного блюда, но без хлеба. Хлеб по нашим рейсовым карточкам можно купить только в Одессе, в спецмагазине, на три дня вперед, но съедается он почему-то за один день. По очереди с Верой каждые три дня, вечером на автобусе или на попутной машине из института ездим в Одессу, ночь проводим на вокзале, в шесть утра идем в магазин за хлебом и возвращаемся автобусом к началу рабочего дня. Все бы хорошо, вот только милиция на вокзале гоняет и не дает подремать на скамейке.

В маленьком институтском киоске, только для своих, можно купить абрикосы и помидоры дешево. Но денег у нас все равно нет. На некоторых плантациях можно есть виноград, это большой плюс. Кроме нас в институте работают и другие студенты-практиканты. Если зайти в винодельческий подвал, знакомые парни обязательно нальют черпак виноградного сока. Вот так и живем. А вечером в клубе бывают танцы.

Завхоз решил улучшить наше место жительства и переселил нас в поселок, к какой-то хохлушке, в богатую хату. Кровати, постель, отдельная комната – все бы хорошо, но на следующий же день нас обворовали и, похоже, не без участия этой хохлушки. Воровать-то было и нечего. Проверили чемоданы – у меня забрали мамин шерстяной пиджачок и новое платье, сшитое тетей Валею, я его ни разу и не надевала. У Веры тоже забрали что получше. Я осталась, в чем была – в одном платье из вискозы бордового цвета. Его пришлось чинить

каждый день, так как вязкая ткань расплзлась на глазах. В общем, мы ушли обратно в свою глиняную мазанку.

Все лето я ходила в платочке, повязанном по-старушечьи под подбородком, чтобы не видно было распухшие лимфатические узлы.

И все же настроение хорошее: погода чудесная, ветер с моря, купаемся в лимане каждый день, вечером на подоконнике колом абрикосовые косточки, шутим и смеемся от души.

Забавная история случилась с Верой. За ней начал ухаживать парень, Сергей. Пригласил ее вечером поехать в Одессу, в кино.

Шел новый фильм «Весна», где снимались Фаина Раневская, Р. Плятт и другие замечательные актеры. Вера и Сергей уехали в Одессу. После кино он предложил переночевать у его тети. Пошли. Гостеприимная тетя угощала компотом, чаем с вареньем, домашней пастилой. Все это было приготовлено на сахарине – химическом соединении, которое в военные годы использовали вместо сахара. Одна маленькая крупинка сахарина заменяет ложку сахара, но это вредное вещество. Сахарин – сильное мочегонное, особенно если много его съесть. Ночью Вере потребовалось встать, а «удобства» были во дворе. Она застряла у входной двери с незнакомыми запорами. Сергей услышал, встал, открыл ей дверь. Утром пошли они с Сергеем на главпочтамт, где Вера получала письма. По дороге история повторилась – надо куда-то отойти. Бросив Сергея, Вера забежала в первый попавшийся двор, это оказался заасфальтированный двор-колодец. Что делать? Кругом балконы, открытые окна. Присела в уголке. Вышла на улицу, Сергей стоит, ждет ее. А за ней следом выбежала стайка ребятишек, смеются и улюлюкают, показывают на нее пальцами. Бедная Вера этого уже не выдержала – развернулась и убежала от парня. Пока она мне все это рассказывала, я от души веселилась. Вера твердо решила больше не встречаться с Сергеем, прежде чем куда-либо пойти послала меня на разведку и лишь потом выходила из-за угла. Так и жила, пока он не уехал. Все-таки в то время девушки умели смущаться, а теперь, наверное, не все понимают даже смысл этого слова.

Практика закончилась, надо ехать домой. Денег на билеты нет.

**1948 год, Одесса. Институт
виноградарства и виноделия.
Практикантки Людмила Бейнарович
и Вера Монич**

Дирекция института пошла нам навстречу. Оформили какие-то дополнительные работы, сбор гербария и оплатили стоимость билетов. С Верой мы доехали до Харькова и там расстались. Она уехала в северном направлении, к брату на каникулы, а мне путь лежал на восток. Поезд Харьков – Новосибирск ходит два раза в неделю. Жила на вокзале два дня. За это время съела весь хлеб и помидоры, взятые из Одессы. Билет купила с большим трудом и даже со скандалом, через начальника вокзала. Денег хватило в обрез. Села в поезд, плацкарт, вторая полка. Ехать шесть суток. Денег ни копейки и хлеба ни крошки. Лежу на полке, отвернувшись к стене, чтобы не видеть, как едят соседи по купе. Так прошло четыре дня. Пассажиры забеспокоились, здорова ли я. И тут я вспомнила, что у меня есть две бутылки вина «Рислинг» – их подарили перед отъездом институтские виноделы. Вино у меня купили тут же, в вагоне. На вырученные деньги я покупала на остановках у бабушек, торговавших на перроне, вареную картошку и ржаные пироги, тоже с картошкой. Так и доехала до Новосибирска, а там на вокзале встретила своих сокурсников, также возвращавшихся с практики, и мы уже всей компанией приехали в Томск. Мама сказала, что я сильно похудела. Но все же эта поездка принесла и другой замечательный результат: южное солнце, соленая вода лимана и виноград сделали свое дело – я избавилась от болезни, только рубцы остались на шее. Спасибо Одессе!

Вернувшись после каникул в Университет, мы с Верой написали заявление на имя ректора с просьбой выплатить нам деньги, положенные студентам для поездки на практику. Но ректор наложил резолюцию: «Отказать». Денег так и не дали. Почему?

Начались занятия. Любу Изотову отчислили из университета – завалила практику, вот что значит, не было меня рядом с ней этим летом. Она перевелась в педагогический институт, благополучно окончила его. Работала всю жизнь в сельской школе завучем, потом директором. Но наши пути разошлись, мы больше не встретились.

На четвертом и пятом курсах я сблизилась с Любой Казанцевой и Милой Николаевой. Полное имя Милы – Милица. Особо тесной дружбы не было. Мы с нею скорее друзья по несчастью. Ее отец, бывший военный, вроде бы генерал, тоже арестован и сидит в лагере на Колыме. Мила это тщательно скрывает, но со мной открыта. У нас с Милой мало общего и взгляды на жизнь разные. Но все же мы довольно много времени проводим вместе – готовимся к экзаменам, ходим в театр, на танцы. Когда танцуем вместе, нас называют Пат и Паташон. Мама Николаевой работает в школе, брат – в армии. Кстати, ее отец все же вернулся из ссылки в 50-х годах, живой, хотя и очень больной. Прожил на свободе недолго.

1948 год. В этом году в высших научных кругах началась кампания по пересмотру взглядов в области сельскохозяйственных наук и био-

логии. Прошла громкая сессия ВАСХНИЛ. Ученых просто ломали через колено – травили в печати, клеймили вейсманистов-морганистов, проводили открытые партийные собрания, где обсуждали и осуждали, вешали ярлыки, увольняли с работы... Некоторые приспособлялись, другие уходили сами. Ушел в пединститут профессор Б. Иоганзен, уволился и уехал профессор Н. Лавров. Студентов эта кампания пока обходит стороной, наблюдаем весь этот раздрай со стороны. Интересно, помнит ли кто-нибудь сейчас широко разрекламированного «великого» советского ученого академика Т. Лысенко и его знаменитую теорию стадийного развития растений?

Четвертый курс в учебном плане оказался легче предыдущих. Сессия прошла успешно. На кафедре мне предложили поехать на преддипломную практику в город Улан-Удэ. Я не возражала. Но вдруг меня вызывают в спецотдел университета и сообщают, что мне надо явиться такого-то числа в управление НКВД к тов. Николаеву. Большой кабинет, тов. Николаев сидит за столом метрах в трех от меня. Я стою посередине, руки по швам, сесть не приглашают. Меня трясет мелкая внутренняя дрожь. Тов. Николаев начинает допрос. Вопросы задает каким-то ледяным тоном, грубо на «ты», подчеркнуто презрительно. Вопросы примерно такие: «Где отец? Как я попала в университет? Кто из родственников проживает за границей? Почему двойная фамилия? Бейнар – это немецкая фамилия»? И т.п. Мне очень страшно, я уверена, что меня сейчас арестуют и посадят в тюрьму как дочь «врага народа». Ноги подкашиваются, боюсь упасть. Еще очень переживаю:

а вдруг по распоряжению Николаева меня выгонят из университета? Но, позидевавшись вволю, Николаев меня отпускает. Через несколько дней заведующего кафедрой вызывают в спецотдел и сообщают, что студентка Бейнар-Бейнарович органами НКВД не допущена на практику в г. Улан-Удэ. Профессор Лавров очень мягко сообщает мне об этом, видно, что он сочувствует и старается приободрить. Я так и не поняла, чем я оказалась так опасна для города Улан-Удэ. На практику я поехала в Красноярск.

После этого собеседования в НКВД мы с сестрой решили сменить фамилию – оставили в новых паспортах только вторую ее часть, «Бейнарович».

Элеонора Бейнарович

Преддипломную практику я проходила на Красноярской опытно-плодовой станции, в отделе защиты растений. Был хороший руководитель, работала успешно, собрала большой материал для дипломной работы. Обследовала посадки на зараженность болезнями. Определяла устойчивость различных сибирских сортов плодовых деревьев к заболеваниям, влияние агротехники, химобработки и т.д. Работы было много. Мне предложили после окончания учебы приехать на постоянную работу, но я не спешила с ответом, а зря. Надеялась на лучшее. Лето прошло хорошо. Жила в общежитии. Продуктовые карточки уже отменили. В поселке много молодежи. В клубе вечером танцы или крутят кино. На автобусе можно съездить в город.

После практики – короткие каникулы. Съездила к тете Тае под Новосибирск. У них все хорошо. Нэля заканчивает школу. В старших классах у нее большие успехи в области математики и физики. Молодец! Поступает в политехнический институт. Экзамены сдала успешно, однако из-за того, что отец репрессирован, ее не зачисляют на ту специальность, на которую ей хотелось. Поступила на электромеханический факультет по специальности «кабельная промышленность», где потом и работала всю жизнь – в Томске и Ташкенте.

Пятый курс «проскочил» очень незаметно. Лекционных часов почти нет. Работаю на кафедре, сижу за микроскопом, пишу дипломную работу. Продуктовые карточки отменили, но все еще голодно. Девушки наши не озабочены лишними килограммами и проблемой

Двоюродные брат и сестра Элеонора и Владислав Бейнарлович, студенты Томского политехнического института

Люба Казанцева. 1949 год

Дипломницы кафедры защиты растений Любовь Казанцева и Людмила Бейнарович с профессором Н.Н. Казанцевым

похудания. Продукты можно купить, только стоят они очень дорого, а денег нет. Мы с Любой Казанцевой ежедневно спускаемся в подвальное помещение главного корпуса, где расположен университетский буфет. Известно, что хороший смех вполне заменяет хороший обед. Мы берем два стакана чаю – на большее стипендии не хватает – садимся за столик и добрые полчаса или больше хохочем от души. Над чем мы смеялись и почему, я сейчас не припомню, но точно так было.

Весной защита диплома. Очень волнуюсь, даже голос срывается, но все проходит благополучно – защитилась на «5». Проходит распределение на работу – меня распределяют в управление сельского хозяйства Кемеровской области. Прибыв туда, я получила направление в областную школу руководящих колхозных кадров преподавателем химии и курса защиты растений, а затем, к моему ужасу, меня обязали вести и физику. Ничего, справилась.

Так осенью 1949 года начался мой педагогический стаж. Я благодарна университету, моим учителям и наставникам. Я полностью согласна со словами моего замечательного учителя профессора Н. Лаврова: «Главная задача университета – это научить учиться».

Август 2013 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. По отцовской линии

Прадед	3
Дед	4
Бабушка Елена Михайловна	6
Дяди и тети	10
Отец	22

Часть 2. По материнской линии

Лукерья	29
Ненила	31
Бабушка Наталья	31
Тая и ее муж Давид	34
Павла	38

Часть 3. От первого лица

Саратов	45
Немецкий хутор	46
Елец и другое.....	47
Оренбург	49
Возвращение в родной Томск	55
Поездка в Москву	57
Школы	59
Военные годы.....	69
ТГУ – Alma mater.....	72